

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1986

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Вяч. Вс. ИВАНОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1988

объясняется аналогией с **i*-склонением fem., чем влиянием **jo*-склонения masc. Никакого обратного влияния **i*-склонения на **jo*-склонение masc. не наблюдается.

5) Формы dat. pl. на *-амь, амь*; loc. pl. на *-ахъ* твердого и мягкого вариантов муж. можно объяснять аналогией с формами **o*- и **jo*-склонения ср. р., получившимися путем обобщения гласной флексии nom. pl. *-a* на другие падежи под влиянием флексий **a*-склонения. Объяснение имеющихся форм прямым переносом флексии **a*-склонения мало вероятно: эти парадигмы слишком различны. Впрочем, полное отсутствие материала по рассматриваемым формам в **o*- и **jo*-склонениях ср. р. не позволяет ни доказать, ни опровергнуть эту гипотезу.

В склонении **o*-основ пеу. форма loc. sg. на *стояли* 88 объясняется фонетически (см. выше). Форма acc. pl. *ребры* 64 могла появиться под влиянием парадигмы мужского рода. Прочие формы — этимологически правильные.

В мягком варианте имеется 2 инновации в loc. sg.: на *полѣ* 16 (при 16 формах на *-и*; может быть объяснена и фонетически — см. выше); *ѡ крыньѡ* 58, *ѡ крыманьѡ* 58 видимо, влияние флексии **y*-основ через **o*-склонение masc.; впрочем, заметим, что на 16 форм loc. sg. от **jo*-основ masc. ни одной формы на *-ю* не встретилось. Прочие формы — этимологически правильные (ср. loc. sg. *въ чему* 71).

В склонение основ на *-ан-* nom. pl. представлен двумя формами на *-анѣ*, обе из списка Смоленской грамоты. Объяснение их через влияние **jo*-склонения masc. вряд ли возможно, поскольку acc. pl. **jo*-склонения уже весь унифицировался по nom. pl. в *-и*. Маловероятна и фонетическая замена *и* — *ѣ* (содержание этих форм — 100%). Предлагается следующее объяснение. Судя по тому, что в прочих сохранившихся списках этой грамоты это формы на *-ане* (см. Смоленские грамоты, с. 25, 30, 35, 39, 44, 45), в экземпляре, с которого делался данный список, также стояло *-ане*. Переписчик (составитель сборника) был новгородец, т.е. человек с орфографической традицией свободной замены *ѣ* через *e*, сам при этом употреблявший такую замену редко. В его собственном диалекте флексии *-e* уже не было (возможно, все согласные основы уже получили на ее место *-и* из **i*-склонения), а различные флексии вида *-ѣ* были широко распространены. Поэтому он принял такое написание за графическую замену *ѣ* — *e* и "прояснил" это написание согласно своему пониманию. Возможно, также следует объяснять написание *ѡ нбсѣ* gen. sg., *нбсѣ* loc. sg. в выписке из Ветхого завета.

Формы dat. pl. разносклоняемых на *-амь* не дают, как это может показаться с первого взгляда, оснований для вывода, что в им. множ. этих слов устанавливается флексия *-а*, поскольку содержание форм на *-амь* (35,7%) в них практически не отличается от содержания таких же форм **o*-основ masc. (33,3%).

Флексия instr. pl. **a*-основ *-амы* была рассмотрена выше (см. с. 106). Остается рассмотреть морфологические процессы, идущие между **a*- и **ja*-склонением (формы на *-и* от **a*-основ мы будем считать фонетическими вариантами форм на *-ѣ*) (табл. 30).

Таблица 30

Грамматическая форма	* <i>a</i> -основы	* <i>ja</i> -основы	
Sg.	gen. без пр.	-ы	-ѣ;-и
	gen. с пр.	-ы;-ѣ	-ѣ;-и
	dat.	-ѣ	-и;-ѣ
	loc.	-ѣ	-и;-ѣ
Pl.	nom.	-ы	-ѣ;-и
	acc.	-ы	-ѣ;-и
Du.	nom./acc.	-ѣ	-и;-ѣ

Из этой таблицы, во-первых, видно, что gen. sg. **a*-основ с предлогом приобретает наряду с *-ы* флексию *-ѣ*, что, видимо, свидетельствует о тенденции к образованию "общего предложного" падежа — ср. выше. Во-вторых, наблюдается явная тенденция замены флексий мягкого варианта флексиями твердого варианта (при этом заметим, что *-ѣ* в gen. с предлогом заменяется на *-и* реже, чем в gen. без предлога). Система, видимо, стремится к унификации обоих вариантов в формах твердого варианта, с различием (по крайней мере, факультативным) флексий gen. с предлогом *-ѣ* и gen. без предлога *-ы* (*-и*). Из имеющихся в современных говорах Северо-Запада систем **a*-склонения, видимо, наиболее вероятный "потомок" — система (4) (см. прим. 1).²⁵

С.Л. НИКОЛАЕВ

СЛЕДЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРАХ.

І. КРИВИЧИ

На территориях, которые приблизительно в VII—XII вв. населяли кривичи, в настоящее время распространены несколько крупных объединений великорусских и белорусских говоров, с синхронной точки зрения относящихся к различным группам (великорусские говоры псковской, гдовской, новгородской, селигеро-торжковской, западной, верхне-днепровской, верхне-деснинской, владими́ро-поволжской и восточной среднерусской акающей групп; белорусские северо-восточные и центральные говоры) — см. Седов 1982, с. 46—58, 158—169; с. 271 — карта "Расселение восточных славян в IX—XII вв."; ДАРЯ І, карта І; Захарова—Орлова 1970, "Диалектологическая карта русского языка".

Так как классификация говоров в таких диалектных континуумах,

²⁵ Окончание статьи см. в следующем выпуске ежегодника (Балто-славянские исследования 1987).

как восточнославянская языковая общность, в принципе не может быть обеспечена единственной непротиворечивой формальной процедурой, мы считаем себя в праве несколько видоизменить признанную в русской и белорусской диалектологии картину членения говоров, выдвигая на первый план родство диалектов по признаку наличия в них системных архаизмов древнейшего периода, могущих в значительной мере стираться и затемняться позднейшими явлениями, которые возникли самостоятельно либо заимствовались из соседних говоров.

Широко распространенное мнение о специфической древней языковой общности восточных славян до X—XI вв. никем строго не доказано. Обычно перечисляемые древнерусские диалектные различия (см., например, Горшкова 1972, с. 64—69, 136—138; Борковский—Кузнецов 1965, с. 85—98) либо действительно поздние, либо имеют ярко выраженный ареальный, наддиалектный характер (взрывное/фрикативное *z*, аканье и т.д.). Справедливая критика попыток А.А. Шахматова имевшимися в его время средствами показать происхождение современных диалектных различий из племенных восточнославянских диалектов привела к тому, что в науке возобладало мнение о чрезвычайной трудности и даже невозможности найти под позднейшими напластованиями старые диалектные черты (см., например, Аванесов 1949, с. 34—38).

Исследования последних лет показали, что еще в XII—XIV вв., когда, по утвердившемуся мнению, процесс консолидации великорусских говоров в основном завершился, существовали диалекты, никак не выводимые из традиционного восточнославянского языка-основы. Так, А.А. Зализняк в результате анализа языка древненовгородских берестяных грамот пришел к выводу, что "в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличающегося от других восточнославянских диалектов в части случаев восходящих к праславянской эпохе" (Зализняк 1984, с. 51).

Ниже будут рассмотрены, некоторые диалектные черты, сохранившиеся в современных великорусских и белорусских говорах, которые а) видимо, не могут считаться возникшими после распада гипотетического правосточнославянского языка, а восходят к (поздне) праславянскому уровню; б) имеют географическое распространение, определенно укладывающееся в рамки территории кривичей, известной в результате археологических изысканий. Эти черты, видимо, были свойственны племенному диалекту кривичей.

Выход в свет шести томов "Псковского областного словаря" (А—Глушинник) (Л., 1967—1984), где приводятся акцентированные тексты в качестве примеров к заглавным словам, позволяет в результате сплошного обследования этих текстов получить материал, достаточный для предварительных выводов об архаизмах псковских говоров. Ценные сведения по фонетике и морфологии русских говоров, в том числе северо-западных, содержатся в материалах Диалектологического атласа русского языка, хранящихся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка АН СССР.

При подготовке статьи, кроме специально оговоренных в тексте, были использованы следующие источники: ДАРЯ I, карта I и Седов

1982, карты 25, 26, 34, 38 (расселение восточнославянских племен); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 36) и ДАРЯ I, карты 45, 46, 47; АРНГ Сев.-Зап., карты 27, 28, 29, АРНГ Зап., карты 48, 49, АРНГ Сев., карты 72, 73, АРНГ Юг, карты 52, 53, АРНГ Вост., карта 40 (рефлексы велярных в условиях трех палатализаций); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 67) и АРНГ Вост., карта 73, АРНГ Юг, карта 73, АРНГ Сев.-Зап., карта 118, АРНГ Сев., карта 132 (рефлексы **květ-*); АРНГ Зап., карта 119 (рефлексы **xǫr-*); материалы ДАРЯ — ответы на вопр. 31 (развитие напряженных редуцированных); материалы ДАРЯ — ответы на вопр. 117к (ударение в *l*-причастиях); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 183) и ДАРЯ III, карта 51 (рефлексы **odъnyje*); Образование..., карты 18, 91а, 50 (распространение стяженных окончаний -*y* < **-ajq*, -*ym*/-*ym'* < **-ajqit* и -*yŭ*/-*yю* < **-ojq*); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 165); Кармакова дис.; ДАРЯ III, карта 39; АРНГ Сев.-Зап., карты 177—179, 162 (дополнительный фонд); АРНГ Сев., карты 383—386; АРНГ Зап., карты 388—391; АРНГ Вост., карты 202—205; АРНГ Юг, карты 264—266 (рефлексы **k-* в **kǫp-*, **kěv-*, распространение образования *meněc*/*menók*); материалы ДАРЯ — ответы на вопр. 117 и (ударение в презенсе *i*-глаголов).

Автор выражает глубокую благодарность всем сотрудникам Сектора и в первую очередь О.Е. Кармаковой и И.А. Букринской за их помощь в разыскании и интерпретации диалектных данных. Ценность материала ДАРЯ заключается не в последнюю очередь в том, что он дает возможность составить точную карту распространения соответствующего явления, что, к сожалению, почти невозможно при пользовании другими источниками.

Автор выражает глубокую признательность А.А. Зализняку за ценные советы и замечания, сделанные во время подготовки статьи, а также за предоставленный им материал по велярным рефлексам праславянских сочетаний дентальных с -*j*-.

В дальнейшем изложении мы будем пользоваться терминами "псковский диалект" и "смоленский диалект" применительно к объединениям современных великорусских и белорусских говоров, исходя из наличия в последних регулярного обнаружения кривичских системных архаизмов. Восточная граница псковского диалекта идет приблизительно по линии Нарва—Волосово—Луга—Новгород, далее по Ловати приблизительно до устья Локни, далее на юго-запад к Себежу. Западная граница смоленского диалекта на территории Белоруссии проходит приблизительно по линии оз. Освейское—Полоцк—Новолукомль—Могилев, далее на восток к Рославлю, далее восточная граница по линии Рославль—Смоленск—Белый—Молодой Туд—Осташков, далее на запад до Холма; отсюда западная граница смоленского диалекта совпадает с восточной и южной границей псковского.

1. СУДЬБА НАПРЯЖЕННЫХ РЕДУЦИРОВАННЫХ В ПСКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В большинстве позиций праславянские редуцированные *ъ и *ь ведут себя в псковском по "общерусскому" типу ($\text{ъ} > \text{o}/\emptyset$, $\text{ь} > \text{e}/\emptyset$). Особое развитие имеют так называемые "напряженные" *ѣ и *ѥ, восходящие к праслав. *у, *и и *ъ, *ь перед -j-. Наибольший интерес для нас представляет развитие *ѣ, который дает, помимо "общерусского" о, псковские *ы* либо *е* (последнее без смягчения или со смягчением предшествующего согласного: *рѣю* либо *рѣю* < *rѣjо 'рою'). Развитие *ѣ > *ы*, *е* хорошо известно восточнославянской диалектологии, оно прослеживается на большой территории к югу от псковского ареала. Рефлекс *ѣ > *ы*(*и*) представлен в украинском и белорусском языках (укр. *мію*, *молодій*, белор. *мыю*, *малады*, при литер. рус. *мою*, *молодой*), а также в части западных великорусских диалектов. Менее широко распространен переход *ѣ > *е*. Он отмечен на востоке белорусской территории (ДАБМ, карта 110 — тип *молодэй*), на территории псковского и смоленского диалектов, а также в Прионежье (см. карту 2).

Необходимо остановиться на позиционных условиях реализации *ѣ в системах различных говоров. Выделяются по крайней мере две позиции, в которых рефлекс *ѣ под ударением могут быть различными внутри одной системы: 1) перед праславянским редуцированным следующим слогом (наиболее распространенная позиция — окончание *-ѣjъ членных прилагательных м.р.); 2) в прочих условиях (например, в презенсе у-глаголов: *mѣjo, *rѣjo и т.п.).

На восточнославянской территории отмечены следующие основные системы (помимо "общерусской" с -o- во всех позициях):

Таблица 1

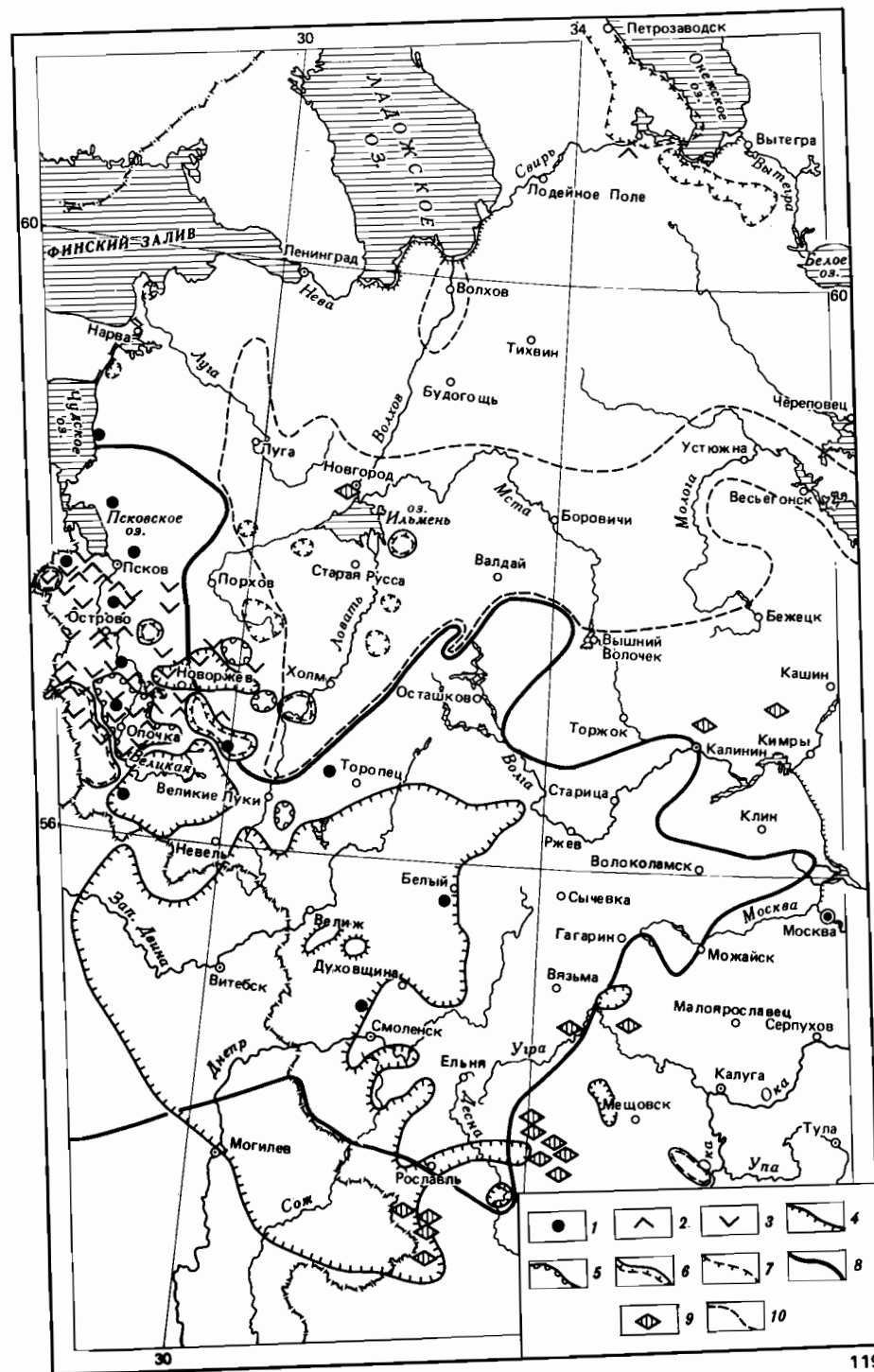
Позиция	Система				
	западная	смоленская	южнопсковская I	южнопсковская II	деснинская
1	-ы-	-е-	-е-	-о-	-о-
2	-ы-	-ы-	-е-	-е-	-ы-

Кроме того, отмечена новгородская система в двух вариантах: в 1-й позиции -е- или -ы-, во второй — -о-, а также архаичные системы с сохранением особого звука на месте *ѣ (см. ниже).

Западная система (укр. литер. *молодій*, *крію*; белор. литер. и юго-зап. *молоды(й):крыю*), представлена в большей части украин-

Карта 1

1 — *ѣ > *ы*, *ѣ > *и* перед йотированными сонантами; 2 — *одѣнје*; 3 — *однје*; 4 — смоленская система (*молодэй*: *мыю*); 5 — южнопсковская система I (*молодэй*: *мюю*); 6 — южнопсковская система II (*молодэй*: *мюю*); 7 — новгородская система (*молодэй*/*молодэй*: *мою*); 8 — северная, восточная и южная граница кривичей в IX—X вв.; 9 — могильники кривичей XI—XII вв.; 10 — северная, западная и южная граница словен ильменских в IX—X вв.

ских и белорусских говоров (кроме части говоров северо-востока), в отдельных пунктах крайнего запада великорусской территории (Зап. 21, 22, 25, 26, 52, 54, 280, 281, 282, 283, 286, 309, 311, 313, 510, 687), а также в Новозыбковско-Стародубском "выступе", где распространены, в сущности, не великорусские, а центральные белорусские говоры — ср. Захарова—Орлова 1970, где эта территория не включается в великорусскую. Смоленская система (тип: *молодѣй: крѣю*), ареал распространения которой показан на карте 1, является характерной для смоленского диалекта, т.е. для большей части северо-восточных белорусских говоров и западной группы южного наречия русского языка. Этот же тип отмечен на южнопсковской территории в районе Новоржева. Деснинская система (тип *молодѣй: крѣю*) сплошным массивом распространена к востоку от ареала смоленской и западной систем, восточная граница ее распространения проходит чуть западнее линии Гагарин—Вязьма—Белѣв—Кромы—Курск—Белгород, на севере граница этой системы проходит южнее Ржева, а южная — где-то в северо-восточных украинских говорах. В южной части своего ареала эта система находится на территории с **kv->цв'* в позиции II палатализации, причем восточная и западная граница типа *молодѣй: крѣю* очень точно совпадает здесь с западной и восточной границей разорванного ареала с **kv->т'в'-/кв'* (см. карту 4). Отдельные пункты с верхнедеснинской системой известны и в псковских говорах: южнее Торопца (Зап. 95, 98, 76, 74, 80, 79), в среднем течении Ловати южнее Холма (Зап. 56, 57, 58, 59, 60, 63, 66) и в нижнем течении р. Великой (С.-З. 179: *злой* при *мыѣу, крѣѣу*; 189: *маладѣй, злой* при *мыѣу, не^н пакрѣѣш*; 191: *злой, сухой, маладѣй* при *мыѣу, аткрѣѣу*; 195: *худѣй, сухой, злой* при *мыѣу, крѣѣу* — однако *рѣѣу*; 196: *злой, худѣй, маладой* при *мыѣу, пакрѣѣш, заккрѣѣш*). Исключительно на территории псковского диалекта встречается южнопсковская I система (тип *молодѣй: крѣю*, например С.-З. 206: *маладѣй, глупѣй; н'и худѣй, св'атѣй, сухѣй, кр'ивѣй, фтарѣй, другѣй* при *н'а мѣѣу, мѣѣица, нарѣѣш, крѣѣш, заккрѣѣш, паккрѣѣш*), а южнопсковская II система (тип *молодѣй: крѣю*), кроме крайнего псковского юго-запада и треугольника Остров—Великие Луки—Холм и одного пункта близ Новгорода (см. карту 1), встречается еще в ряде пунктов в верхнем течении Оки на левом ее берегу (Зап. 720, 722, 724, 718; Ю. 52, 54, 61, 232). Однако в верхнеокском регионе южнопсковская II система соседствует с другой своеобразной системой (Зап. 595, 721, 623, 723, 736, 739, 727, 728; Ю. 62, 214, 231), в записях отраженной либо в "свободном варьировании" форм типа *мыѣу/мѣѣу, крѣю/крѣю*, либо в записях типа *рыѣш* (Зап. 727), *крѣѣш* (Ю. 214), что говорит о существовании или о происходящем на глазах разрушении в верхнеокских говорах особой фонемы типа [ъ^о] или [э], непосредственно отражающей слав. *ъ во 2-й позиции. Описание архаичной системы этого типа сделано А.А. Шахматовым: "В некоторых южновеликорусских говорах сохранилась вторая промежуточная ступень от звука у (т.е. ы) к ѓ, а именно ѓ... Это ѓ мне пришлось наблюдать в 1895 г., напр., в Милеевской волости Жиздринского уезда, а также в пограничных селениях Брянского уезда; звук этот казался мне близким к звуку ѓ франц. слов *leur, demeure*, нем. *Mönch, Löcher*, но более задним,

чем ѓ, следовательно, более близким к о. Я слышал этот звук в таких словах, как *мѣѣу, крѣѣу, рѣѣу, памѣѣу*, между тем как в окончании им. ед. (*худѣй, плахой, кривѣй* и т.п.) слышится -ой..." (Шахматов. Очерк, 354).

"Южнопсковские" по типу верхнеокские системы, видимо, генетически не связаны с псковскими, а являются архаическими аналогами деснинской системы. Для треугольника Новоржев—Великие Луки—Холм и района нижнего течения р. Великой, где сосуществуют южнопсковская II система и деснинская система, также возможно предположить существование в прошлом единой системы **крѣю: *молодѣй* с дальнейшим развитием *ъ в е либо ы по говорам. Возможно, отражением еще более архаичного этапа развития является система С.-З. 229, видимо, восходящая к типу **крѣѣю: *молодѣѣй: мѣѣу/мыѣу, крѣѣу/крѣѣу, рѣѣу/рыѣу* при *худѣй/худѣѣй, сл'анѣй/сл'анѣѣй, сухѣй/сукѣѣй, дѣкаѣѣш/дѣраѣѣш*.

Особый тип представляет собой новгородская система, в которой напряженный редуцированный дает "восточное" -о- во 2-й позиции (*крѣю*) и, напротив, -е- либо -ы- в 1-й позиции (*молодѣѣй/молодѣѣш* по говорам), причем в архаических говорах псковского типа в районе Онежского озера в этой позиции отмечается особый звук среднего ряда среднего подъема (типа огубленного "шва", [э̃]) — например, в записях А.В. Тер-Аванесовой в дер. Педасельга Прионежского р-на КАССР *домовѣѣй, дворовѣѣй*. Такая система была, видимо, свойственна новгородскому языку времени берестяных грамот (презент *закрою*, гр. 132 при многочисленных -ы, -ыи < *ъѣ — см. Зализняк 1986, с. 126). Интересна форма ск[р]ѣи (?) (императив: берестяная грамота N 8, XII/XIII в.), возможно, отражающая произношение **крѣи*, если в данном случае нет эффекта ѣ=о. Новгородская система распространена в Прионежье, а в псковско-новгородском регионе — почти исключительно на территории, где в X—XII вв. жили ильменские словене. Новгородская система отражения *ъ может, наряду с некоторыми другими явлениями, рассматриваться как словенская модификация лежащего в основе древненовгородского диалекта псковско-кривичского диалекта (см. ниже, с. 149).

В отношении развития напряженного *ъ (а также *ѣ, о котором мы выше лишь упоминали, так как оно дает рефлексы, отличные от *е только в тех системах, где *ъ > ы, в частности в новгородской системе) псковский диалект входит в обширный ареал восточнославянского континуума, где обычным рефлексом *ъ является не -о-, как на Востоке, а другие звуки. Специфической чертой псковских говоров, а точнее тех говоров, которые расположены на старой псковской территории, является переход *ъ > е либо ы и *ъ > и перед мягкими сонантами, причем только перед теми, которые были исконно мягкими в праславянском (*n', *l', *r' = nj, lj, rj) либо смягчились в положении перед j после падения редуцированных в данной позиции (например, в распространенном суф. *-ъje). Иными словами, в псковском диалекте редуцированные в данной позиции получали то фонетическое качество, которое было свойственно "напряженным" *ъ и *ѣ перед j, и развивались в дальнейшем как последние. Распространение форм с *ъ > е или ы и *ъ > и перед мягкими сонантами показано на карте 1.

Разумеется, и на псковской территории отмечены многочисленные заимствованные или исконные для отдельных говоров "общерусские" рефлексy ($\delta > o$, $\delta > e$), и рефлексy *ы*, *е* и *и* из * δ и * δ перед мягкими сонантами встречаются в настоящее время лишь в отдельных словах, большинство из которых сохранили старую фонетику благодаря своей семантике (бытовая и сельскохозяйственная лексика) или потери "этимологической прозрачности". Ниже приводится материал.

1. **o-dьlje* 'одонье, стог (сена)'.¹

А. Рефлекс *е*: *адънье* (Кр., ПОС 4.129), *адъням* (Палк., ПОС 3.148), *адънья* (Кр., ПОС 1.43, Палк., 1.56), *адънье* (Пушк., ПОС 2.172), *адънья* (Печ., ПОС 2.178), *адънья* (Пушк., Кр., ПОС 3.103, Сл., ПОС 3.106), *адъню* (Остр., ПОС 3.109), *адъням* (Палк., ПОС 3.148), *адънье* (Кр., ПОС 4.129, Оп., ПОС 5.68). Смягчение предшествующего согласного обнаруживается в *аденья* (Пуст., ПОС 5.144).

Материалы ДАРЯ: (без смягчения -д-) *аден'е* (С.-З. 176), *аден'я* (С.-З. 177), *аден'я* (С.-З. 178), *аден'ю* (С.-З. 189), *аден'я* (С.-З. 190), *аден'и*, *аден'я* (С.-З. 191), *аден'я* (С.-З. 192), *аден'е* (С.-З. 195), *аден'а* (С.-З. 198), *аден'ем* (С.-З. 196), *аден'а* (С.-З. 202), *аден'ю* (С.-З. 203), *оден'я*, в *аден'я* (ед. ч.) (С.-З. 204), в *аден'я* (С.-З. 206), *аден'я* (С.-З. 213), *аден'я*, *аден'ям* (С.-З. 220), *аден'ю* (С.-З. 223), *аден'е* (С.-З. 224), *аден'е* (С.-З. 225), *аден'е* (С.-З. 227), *аден'ю*, *аден'я* (С.-З. 228), также производное *адъница* (С.-З. 245); *адъин'а* (Зап. 1), *адъин'а* (Зап. 2), *адъин'а* (Зап. 3), мн. ч. *аден'иа* (Зап. 4), *адъин'е* (Зап. 5), *адъин'а* (Зап. 6), *адъин'а* (Зап. 8), мн. ч. *адъин'иа* (Зап. 10), *аден'иь* (Зап. 12), *аден'а* (Зап. 14), *аден'иа* (Зап. 17), *адъин'ишиь* 'подкладка из сучьев под стог' (Зап. 48), *аден'иа* (Зап. 33), *аден'ие* (Зап. 34), *аден'иа* (Зап. 35), *аден'ю* (Зап. 37), *адъин'иа* (Зап. 39); (со смягчением -д-) *ад'ен'и* (мн. ч., видимо **оденьи*) (С.-З. 179), *ад'ен'я* (С.-З. 183), *ад'ен'я* (С.-З. 187), *ад'ен'я* (С.-З. 199), *ад'ен'а* (ед. ч., С.-З. 200), *ад'ен'ю*, *од'ен'е* (С.-З. 207); *вад'ен'иа* (Зап. 6), *вад'ен'иу* (Зап. 9), *ад'ен'иа* (Зап. 11), *ад'ен'иа* (Зап. 32), *ад'ен'иу* (Зап. 27), *ад'ен'иь* (Зап. 28), *ад'ен'иа* (Зап. 31).

Вариант со смягченным -д- (*оденье* и т.п.) широко представлен также в районе Волго-Окского междуречья, в котором обнаруживаются и другие специфические псковские и смоленские черты, по-видимому связанные с переселениями сюда больших групп кривичей ("кривичский пояс" — см. ниже). Вариант с мягким -д- стоит в одном ряду с формами, имеющими твердое -д-, и параллелен формам типа *кр'ейу*, *молод'ей*, где -е- несомненно происходит из -ь-. Видимо, в результате контаминации *оденье* и "общерусского" соответствия *одьне* возникла форма *оденье* (СРНГ 23.13—14: Твер., Киров., Пск. и т.д.).

На восточновеликорусской территории отмечены также производные от корневого варианта **дьп-*, известного и другим восточнославянским диалектам (но не кривичским). Речь идет о словах *дѣнка* 'рыболовная сеть для ловли рыбы у дна', *дѣнко* 'нижний ряд бревен у плота', *денник* 'дно лодки', *дѣнник* 'мастер, изготавливающий "донцы"'; *денница* 'бревно, идущее на изготовление дна лодки', *денной* и *дѣнный* 'донный', *дѣнушко* 'дно', *дѣнце* 'доска для сидения при работе и т.п.', *дѣнышко* 'донышко' (см. СРНГ 7.351—354). На территории старого заселения распространение этих образований имеет такую особенность,

что их практически нет в ареале наиболее компактной фиксации слова *оденье* и его вариантов (Владимирская обл. и север Рязанской области), в то время как образования от корня **дьп-*, кроме сибирских говоров, встречаются в основном в Вологодской, Горьковской, Костромской, Ярославской областях и, с другой стороны, в Пензенской, Куйбышевской и Тульской, т.е. вне "кривичского пояса". Данный ареал характерен и для слова *оденок* (СРНГ 23.12—13). Подробнее об ареале *оденье* см. ниже, с. 126, а также карту 3. Позиционно не обусловленный корневым вариантом **дьп-* 'дно' известен всем украинским говорам (например, укр. литер. *дѣнце* 'дно'), в белорусских же диалектах слово *адз'онок* не встречается в говорах кривичского происхождения: см. ДАБМ, комментарий к к. 287 (основной ареал ограничен с востока Свислочью и Березиной, на севере не достигает Минска, на востоке граница проходит чуть западнее Случи и восточнее Горыни).¹

Б. Рефлекс *ы*: *адынья* (Печ., ПОС 3.131), *адыня* (Печ., ПОС 3.131). В материалах ДАРЯ отмечено *адын'е* (С.-З. 185, д. Патрово Псковского р-на).

2. **вь-дьljь* 'вдоль'. Отмечен только рефлекс *ы*: *вдыль* (Гд., ПОС 3.55 — пять раз). Закономерное -ы- появляется и в гдов. *падъльше* 'подольше' (Гд., ПОС 3.172).

От этого же корня образовано **вь-дьljь* 'возле': *ви́ли* (Пск., ПОС 4.15) — ср. *во́ли* (Слан., ПОС 4.110). В данном случае переход * $\delta > y$ (далее в *и* после губного, ср. *ви́мяни* 'вымени' Себ., ПОС 6.20) осуществился перед *lj* (< *dij* < *dьlj*) после падения редуцированного и упрощения сочетания -*dl(j)*-. Псковский (а также смоленский) переход *ы > i* после губных имел, видимо, предшествующие стадии типа **бу-ꝥ* **bъi-* > *b'i-*, ср. запись Т. Фенне *buili* 'были' и т.п., при том что *ы* в других позициях он регулярно передает буквой *i*.

3. **ostrъvьje* 'приспособление для просушки сена, козлы' (образование от слав. **ostrъ*, **ostrъve* — ср. слов. *ostrva*, слов. *ositrъ* и т.д.). А. Рефлекс *е*: *астрѣвье* (Кр., ПОС 5.24) со смягченным *р'*. Б. Рефлекс *ы*: *астрывьѣ* (Пуст., ПОС 3.17).

4. **гьljькь* 'вид сосуда (обычно умывальник)'. Известны только рефлексy **ы*: *гилѣк* (Н.-Рж., ПОС 4.183, Пуст., ПОС 4.53, Оп., ПОС 6.20, Сер., Остр., Палк., ПОС 6.161, Остр., ПОС 6.162), *з гилька́* (Палк., ПОС 6.160), *гьлѣк* (Гд., ПОС 6.161), *гилькú* (Сер., Остр., ПОС 6.161), *з гилька́* (Палк., ПОС 6.162). Вторично *гилók* (Нов., ПОС 6.162). Сохранение редуцированного в первом слого данного диминутива — ср. рус. диал. (Даль) *глѣк* (*глѣка*), укр. *глек*, а также рус. диал. *гольк* (Преобр. 1.125), др.-рус. *гьлькь* (*гьлька*) (ср. Фасмер I. 412, где дается, видимо, неверная этимологическая интерпретация) — возможно, обязано влиянию производящей основы **гьljь*: *гиль* 'глиняный или чугунный рукомо́йник' (Оп., ПОС 6.162 — Фасмер не знал о существовании данного бессуфиксального образования).

5. **bolъnje* > **bolъnje* 'болотистое место'. А. Рефлекс *е*: в *балъняхъ* (Н.-Рж., ПОС 2.87), *балъни* (Н.-Рж., ПОС 2.87); также в прилагательном **bol(ъ)пъjьтъ*: *болъни* (*берега́*) (Н.-Рж., ПОС 2.87), *балънная* (Н.-Рж.,

¹ См. также материал в СРНГ 23.12—14, 33.

ПОС 2.87). Ср. также рефлексы префиксального **o-bol(ъ)nyje* (примеры из работы Мжелская 1962, с. 21): [абалѣн'је] (Оп., Рогаткино, Макушино; Остр., Надеждино), а также со смягчением предшествующего согласного: [в абалѣн'ях] (Кр., Треньки) — все примеры со значением 'низкий сырой луг, покос'. Б. Рефлекс *ы*: *балынья* (Себ., ПОС 2.87). Этот пример интересен не только своими псковскими рефлексам *ы/е*, но и тем, что эти рефлексы указывают на **ъ* в качестве второго вокалического компонента обычного полногласного сочетания. Данные псковские формы — наряду с имеющими "общерусский" вид *балонье* (ВЛ, ПОС 2.87), *балонья* (Себ., ПОС 2.87) — восходят к праславянской форме с несомненным сочетанием **-oln-*, ср. укр. *болоння*, белор. *балоня*, польск. *blonie*, н.-луж. *blóte*, рус. диал. *болонье*, полаб. **blānē*. Нормальным рефлексом праславянских сочетаний типа TORT в восточных и южных великорусских говорах является TOROT с обычным *-o-* во втором слоге (ср. появление на его месте закрытого *o* в ортотонических словоформах — *корѡва*, *борѡзд* и т.п.). В украинском *-o-* второго слога полногласного сочетания отличается от рефлекса слав. **o*: ср. отсутствие перехода *o > ō > i* в слог перед павшим редуцированным (*голівка*, *перѣсна* и т.д. — см. об этом Зализняк 1985, с. 161—163), что характерно для **ъ* в данной позиции, однако полного совпадения с обычным **ъ* мы не находим и в украинском (это *-o-* никогда не выпадает и не теряет исконого ударения по фонетическим причинам). Видимо, и в псковском второй вокалический компонент полногласного сочетания не был полностью идентичен **ъ* (ср. формы типа *ворѡна*, *ворѡны* с сохранением *-o-*), однако в позиции, где в псковском **ъ* и **ь* давали "напряженные" рефлексы (в данном случае перед мягкими сонантами), второй вокалический компонент полногласия также отражался как **ъ*.

6. **тыльня*: *малын'я* (С.-З. 85 — д. Заборовье Гдовского р-на Псковской обл.). В данном случае *ы* является рефлексом вторичного *ь*, возникшего в результате развития второго полногласия.

Рефлексы в виде *е/ы* вторичного *ъ* отмечены также в следующих случаях:

7. А.А. Зализняк сообщил автору настоящей статьи, что "на карте (крупномасштабной) 1918 г. примерно в 30 км к северу от Пскова и примерно в 20 км к востоку от Псковского озера стоит деревня *Подсосынье*. Наряду с этим несколько раз встретилось *Подсосонье* (в частности, дважды к ю.-в. от Пскова в 25—35 км) и много раз *Подсосенье* (тоже не слишком далеко от Пскова). За записью с *е*, разумеется, может стоять как [-*сен'је*], так и [-*сен'е*], т.е. *-сэнье*, но это можно узнать только на месте (ср. *Лодэйное Поле*). Данные формы восходят к **podъ-sosъnyje*, производному от **sosna* (здесь в праславянском *-ъ* не было, ср. укр. *сѡсна* без рефлекса удлинения).

8. Видимо, рефлекс именно **ъ* после рано отвердевшего **ѣ* (а не непосредственно праслав. **ь*) представлен в *вишѣню* 'вишня' (Палк., ПОС 4.33, Н.-Рж., ПОС 4.34), *вишѣни* (Дн., ПОС 4.34) — ср. *-o-* в *вишѣня*, *вишѣню* (Печ., ПОС 4.34), *Вишѣня* (кличка коровы — Нев., ПОС 4.35), где перед мягким *н'* **ъ* остался бы в виде *е*. Данные формы восходят к **viš(ъ)nja* 'вишня'. Неясно, является ли здесь *-ъ-* вставным или исконым (ср. Фасмер I. 325). В пользу последнего вроде бы говорят бессуфик-

сальные псковские формы, восходящие к **vīxja* (**vīša*) 'вишня': *viša* (Гд.), *pod višью* (Стр.), *višы* (Гд.), *вишу* (Гд.) — все в 6 вып. ПОС, 32.

9. Параллельный переходу **ъ > ы* переход **ъ > и* наблюдается в *ванірь* 'кабан' (Тор., ПОС 3.77), восходящее к слав. **vergrъ > *vergrъ* со вставным *-ъ-* (*ва-* в первом слог псковской формы возникло из **в'а-* с последующим отвердением *в'*), ср. рус. диал. *ванѣрь* (Ю. 6), *ванѣр* (Ю. 7), белор. диал. *ван'ѣр'* (Витебская, Могилевская обл. — ДАБМ, карта 188).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что переход **ъ > ы/е*, **ъ > и* происходил не перед любым мягким сонантом (например, рефлекс слав. **ognъ > ogъnъ* со вставным *-ъ-* и хорошо сохраняющейся в псковском и смоленском *i*-основой всегда дает форма с *-o-* — см. ПОС 2.25, 116, 197, ПОС 3.8, 57, 152, 156 и т.п., также никогда не встречается **динъ <* праслав. **dъnъ*), а только перед исконно мягкими сонантами, восходящими к более ранним сочетаниям сонант +*j* — N 2, 4; такой же случай представлен в примере 9 — относительно балто-славянской основы ср. лтш. *vepris* 'боров', лит. топоним *Vėpriai*, — а также перед сонантами, находящимися перед *-j-*. Таким образом, в эпоху приобретения старыми **ъ* и **ь* особой окраски перед мягкими сонантами в формах типа **dъnъ* присутствовали не мягкие, а полумягкие сонанты, которые в дальнейшем совпали в псковском, как и в большинстве других русских диалектов, с исконно мягкими сонантами. Аналог старопсковской (и, видимо, также и старосмоленской, см. ниже) системы с различием трех рядов сонантов (твердых, мягких и полумягких) содержится в орфографической системе главного писца Апракоса Мстислава Великого (см. Апракос Мстислава Великого. М., 1983, с. 20—22), которая, как предполагает Л.П. Жуковская, имеет "скорее киевское, чем новгородское происхождение" (там же, с. 6), хотя, как нам кажется, псковско-новгородская привязка диалекта писца вовсе не исключена — ср. надежная рефлексация в памятнике второго полногласия в том виде, который чужд всем украинским диалектам, но обычен для псковской и новгородской зон (см. Зализняк 1986, с. 124—126).

То, что в суф. *-ъе* редуцированный выпадал раньше, чем в других позициях, подтверждает зафиксированный с XV в. псковский и западно-новгородский топоним *Захонье* и *Захольнье* < **za-xъlmye*, где *-н'ю-* < *-lmj-*; аналогично этому возникли псковские формы типа *на зені* < **zemlji* < **zemji* (см. статью А.А. Зализняка в данном сборнике).

Видимо, развитие **ъ > и* перед исконно мягкими и новыми йотированными сонантами было известно и смоленским говорам. А.А. Зализняк сообщил автору настоящей статьи, что "уже с XIII в. отмечается *и* в словоформах *Смолиньска*, *-у*, *-ѡ...* Название Смоленска происходит от речки Смольня, т.е. здесь было **nj*. Раньше всего *Смолиньска*, *-у* и т.д. встречается в Договоре неизвестного смоленского князя с немцами (1-я четв. XIII в.). В XIV в. могу указать Лаврентьевскую летопись (например, в "Поучении" Владимира Мономаха очень часто). Весьма вероятно, что этот вариант возник где-то неподалеку от самого Смоленска, может быть, в самом Смоленске". Приведенный выше пример *ван'ур'* (N 9) взят из говора, могущего рассматриваться как южнопсковский либо северносмоленский.

Из карты 1 видно, что смоленская и обе южнопсковские системы распространены почти исключительно на территории древнего расселения кривичей. Эти системы стоят в ряду других "нетривиальных" систем развития напряженных редуцированных перед *-j-*, не обязательно связанных с племенным диалектом кривичей (например, деснинская и верхнеокская системы, сформировавшиеся в зоне "древневосточного" племенного диалекта (см. ниже) и, по всей видимости, независимо — на псковской территории; новгородская система, возникшая на территории, изначально заселенной ильменскими словенами — см. карты 2, 4 — на вкладке). Напротив, "напряженный" характер редуцированных перед йотированными сонантами свойствен только тем говорам, которые находятся на старой кривичской территории, и поэтому может считаться характерным признаком кривичского племенного диалекта.

На территории великорусских говоров есть еще одна зона, в которой имеются рефлексы "напряженных" редуцированных перед мягкими сонантами. Речь идет о компактном ареале трапециевидной формы, углы которого расположены примерно в Александрове, Касимове, Арзамасе и Иванове; отдельные пункты с такими рефлексами расположены к востоку от этого ареала (см. карту 3 на вкладке). Здесь засвидетельствованы рефлексы праслав. **o-dьnje* в виде *od'én'je* и *od'ín'je* 'большая укладка снопов круглой формы' (форм с твердым *-d-* типа *odъn'je* и *odьn'je* здесь нет).

Ниже приводится материал ДАРЯ.

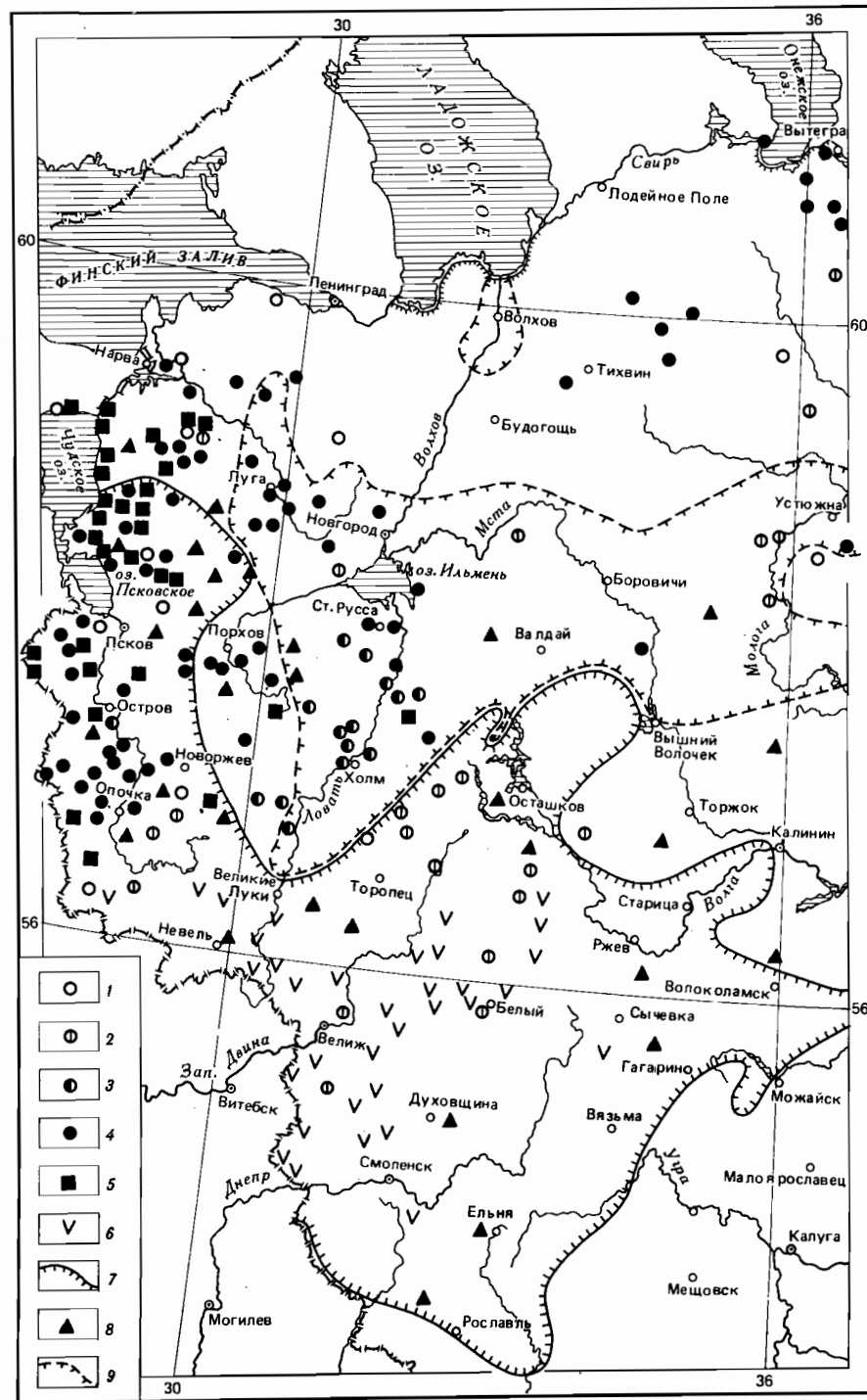
А. Примеры с *-e-*: *оденье*, мн. ч. *оденья, оденьи* (В. 48, 49, 51, 53, 59, 60, 69, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 86, 89, 90, 109, 113, 115, 119, 131, 133, 134, 222, 272, 273, 307, 304, 315, 339, 340, 341, 347, 349, 351, 353, 354, 357, 364, 370, 374, 378, 379, 380, 383, 384, 386, 392, 397, 398, 403, 410, 417, 433, 456, 463); *од'эн'и* (видимо, из **od'én'ji* — В. 31); *оден'я* (В. 37); *од'эн'я* (В. 38); *од'эньи* (В. 39); *од'эн'је* (В. 43, 457, 55, 66, 101, 108, 111); *од'эн'ць* (В. 46, 58); *од'эн'ць* (В. 50); *од'эн'ја* (В. 54, 68, 73, 107, 130); *од'эн'йи* (В. 63, 104); *од'эн'йо* (В. 81); *од'эн'ји* (В. 99, 311, 361); *од'эн'це* (В. 102, 375, 376); *од'эн'цо* (В. 103); *ад'эн'йо* (В. 106); *од'эн'йе* (В. 117, 155, 270, 306, 437); *од'эн'йи* (В. 136); *од'эн'я* (В. 138, 338, 393); *од'эн'жо* (В. 350, 362); *ад'эн'я* (В. 406).

Б. Примеры с *-и-*. Пункты с *-и-* расположены приблизительно в центре выше ареала (см. карту 3); *од'ин'е*, мн. ч. *од'ин'я, од'ин'ьи* (В. 88, 116, 308, 312, 343, 346, 408, 748); *од'ин'жо* (В. 72); *од'ин'я* (В. 92); *од'ин'я* (В. 112); *од'ин'я* (В. 342); *ад'ин'я* (В. 345); *од'ин'ји* (В. 352); *од'ин'я* (В. 404); *од'ин'йи* (В. 409).

О том, что переход **b > i, 'e* связан с теми же фонетическими условиями, что и в псковском регионе, а именно с позицией перед йотированными, но не перед любыми мягкими сонантами, свидетельствуют рефлекс параллельного синонимичного образования **odьnъ* (fem.),

Карта 2

1 — новопсковский тип отражения велярных; 2 — смоленский тип отражения велярных; 3 — рефлекс *t'* из **k* в позиции II палатализации; 4 — рефлекс *k'* из **k* в позиции II палатализации; 5 — рефлекс *x* из **sj*; 6 — рефлекс *ш* из **x* в позиции II палатализации (*шерый*); 7 — граница кривичей в IX—X вв.; 8 — рефлекс *k* из **tj*, *g* из **dj*; 9 — граница словен ильменских в IX—X вв.

отмеченного в том же ареале, что и *od'én'je, od'ín'je*, и всегда имеющее -o-: *adón'* (В. 247, 265, 324), *одонь* (В. 286), *адонь* (В. 329, 366).

О другом примере развития **ǰ* > *e* не только в псковско-новгородском, но и в восточнорусском ареале автору настоящей статьи сообщил А.А. Зализняк: "Для др.-рус. *кърь* (муж. род) 'пень, выкорчеванный лес (т.е. пни), кустарник на месте выкорчеванного леса' и т.д. имеются, среди прочих, такие примеры: *корь* в Варламовой грамоте (1192—1210 гг.); *Корцово* (дер.) Н(овг.) П(исц.) К(ниги), V, 252. Свидетельства **ъ* (а не **о*): *Крево* (дер.) НПК, II, 779, 782; *Креково*, *Кречна*, *Кречино* — деревни в разных местах Новгор. земли.

И наряду с этим: *Закерье* — дер. на р. Вруде близ Ястребинского погоста (район Ямы, Шелонская пятина), НПК, III, 791; *Керцова* — река в Шелонск. пят., НПК, III, 503, 507, 577, 589; *Курково* — дер. в Деревенской пят., НПК, II, 588 (близ городка Курско, в зап. части пятин).

Таким образом, реконструкция в ЭССЯ (**кърь*) неточна: должно быть **кърьъ* (тем более, что никаких следов *i*-склонения нет, а муж. род устойчив — польск. *kierz, krza* etc.).

СРНГ дает *корь, кря* (и *коря*) ["омонимы" 3, 4] — Ряз. Моск., но примечательно, что есть и *керь* Ряз. (!). В одном значении ('селение, деревня, выселок') с пометой "Ряз. 1852" были отмечены и *корь* и *керь*. Похоже на очередной пример экспансии кривичизма на восток по "кривичскому поясу".

Другие слова с особым развитием **ъ*, **ь* перед йотированными сонантами в восточнорусских говорах не отмечены (общеславянские напряженные **ǰ*, **ǰ* перед -j- здесь также дают -o-, -e-), что, видимо, говорит о заимствовании форм *od'én'je|od'ín'je* из говоров южнопсковского и северносмоленского типов, попавших в Волго-Окское междуречье с переселившимися сюда в XI—XII вв. кривичами (см. о вводимом нами понятии "кривичский пояс" и связанных с ним изоглоссах ниже, с. 137).

2. ПСКОВСКИЕ И СМОЛЕНСКИЕ РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ **tj*, **dj*, **sj*, **zj* И РЕФЛЕКСЫ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ ВЕЛЯРНЫХ

В псковских говорах широко распространено *x* на месте праславянских **s*, **š* и **sj*. Речь идет о таких примерах, как *но́ха* 'ноша' (<**nošjā*), *плехнѹть* 'плеснуть' (<**plbs(k)ngti*), *мя́хо* 'мясо' (<**mǰso*) и т.п. С.М. Глускина в статье, посвященной данному явлению (Глускина 1962), объясняла это *x* позднейшими фонетическими (*x* < *ш*, *с*) и морфологическими процессами. Однако такие параллельные псковские формы, как *ва́увать* 'возить, вживать' (<**vazjeva-*), *рога́ть* 'рожать' (<**rodjati*), *встрекáть* 'встречать' (<**vǰ-sǰ-rǰjati*). вопреки Глускиной, видимо, не могут объясняться как возникшие по морфологической аналогии. В своей более поздней работе С.М. Глускина подчеркнула "своеобразную морфонологическую (разрядка наша. — С.Н.) особенность псковских говоров — стремление снять чередование с шипящим. Чаще всего в таких случаях вместо шипящего перед суффиксом оказывается заднеязычный, даже вразрез с этимологией слова"

² Материал ДАРЯ по *x* < *s*, *š*, *sj* приводится по комментарию к карте 133 (АРНГ Сев.-Зап.).

(Глускина 1979, с. 118). Однако детальное рассмотрение материала заставляет взглянуть на эту проблему иначе.

Позицией, в которой на большей части территории псковского диалекта *x* присутствует на месте праславянских **s* и **š*, является позиция перед сонантом: *смехно* (**smǰšno*, Н.-Рж., Глускина 1979, с. 115); *страхно* (**straššno*, Н.-Рж., Глускина 1979, с. 115); *горохные струки* (**gorǰšny*, Остр., Глускина 1979, с. 115); *послухный* (**sluǰšny*, Оп., Глускина 1979, с. 115); *пухная кошка* (**puǰšny*, Пушк., Глускина 1979, с. 115); *мяхной* (**mǰšny*, Остр., Глускина 1979, с. 115); *подсохный* 'поджаристый' (**soǰšny*, Глускина 1979, с. 118); *хъвет* (**svǰěty*, Чернышев, с. 100—101); аналогично *Хвятланка* (=Светланка) (Кр., ПОС 5.76); *пихьмо* (**pis(b)mo*, Чернышев, с. 100—101); *тешниться* (**teǰšnyti*, Глускина 1979, с. 119); *вы́хла зáмуж* (**šǰdla*, С.-З. 117), *хли* (**šǰdli*, Порх., Глускина 1979, с. 119); *внехный* (**vǰnjǰšny*, Пск., Глускина 1979, с. 115), *внѣхнѡва* (Пск., ПОС 4.62); *плехнуть* 'плеснуть', *выплехнуть* (**plbs(k)ngti*, Глускина 1962, с. 48), *выпл'ухнут'* (С.-З. 185), *запл'ухн'от* (С.-З. 254); *вмехный* (**mǰšny*, Глускина 1962, с. 32); *хв'иснула* (**svis(t)ngti*, С.-З. 124), *нахв'истывае* (С.-З. 185), *хвистáла* (дн., ПОС 3. 159); *верехнук* 'вересняк' (**versǰnyk*, Глускина 1962, с. 33); *кухнуть* 'куснуть' (**kosngti*, Глускина 1962, с. 48); *кохнуть* 'провести косой' (**kosngti*, Глускина 1962, с. 48); *сполохнуть* (**pols(k)ngti*, Глускина 1962, с. 48); *втихнуть* 'втиснуть' (**tis(k)ngti*, Глускина 1962, с. 48); *приухнуть* 'уснуть ненадолго' (**spǰngti*, Глускина 1962, с. 48); *пáхмурный* (**smurǰny*, С.-З. 156, 181, 184, 201); *прихлон'ил'ис'* 'прислонились' (**slonǰiti*, С.-З. 138); *зап'áхла* (**trǰsla*, С.-З. 116); *пáйáхнут* (**po-jasngti*, С.-З. 17).

В этой же позиции засвидетельствован переход **z* > *γ* (далее > *г*): *γрать* 'жрать' (**žǰrǰiti*, Остр., Глускина 1979, с. 118); *привягнуть* 'привязать' (**vezngti*, Глускина 1979, с. 121).

Известны также примеры на переход **s* > *x* перед шумными: *хчáхнет* (**šǰ-čaxngti*, С.-З. 75); *свихтываться* 'сосвистываться' (**šǰ-svištjvati*, Глускина 1963, с. 33).

В интервокальной позиции псковское *x* регулярно восходит только к **s* и **sj*, тогда как на месте слав. **š* (из **x* в позиции I палатализации и из **xj*) *x* фактически не представлено. Один из примеров такого рода — *пахóл* 'пошел' (**pošǰdǰl*, С.-З. 214) — может быть объяснен как аналогичное образование к регулярному *вы́хла*, **вы́хло* (см. выше), тем более что, по-видимому, старая форма мужского рода в псковском первоначально имела вид **šǰdle* (ср. широкое бытование форм на -e в языке Пскова начала XVII в., отраженном в словаре Т. Фенне, а также в новгородском языке времени берестяных грамот — см. Зализняк 1986, с. 130—134; в современных псковских говорах сохранилось, видимо, лишь одно существительное с окончанием -e — *псе* (м. р.) 'пес'), и форма *хол* = *шол* должна считаться вторичной субституцией по

³ В северных псковских говорах, видимо, утрачено старое противопоставление *γ* : *у*. вперые отмеченное С.М. Глускиной, ср. *награ́увать* < **grazjevati* в более южном Островском р-не, Глускина 1979, с. 118. Слово *кога* 'коза' (Кр., Глускина 1979, с. 121), по-видимому, вторично из **koγa*.

"общерусскому" образцу более ранней формы *хл. Имеются также немногочисленные производные глаголы с -х- на месте ожидаемого -ш-: *сухеть* (Пушк.), *сухить* (Кун., Глускина 1979, с. 115), *сплохнуть* 'поступить неразумно, плохо' (Сер., Глускина 1979, с. 116), *засушивать* (Глускина 1962, с. 47). Они легко объясняются выравниванием по исходной форме корня (ср. *плохой, сухой*) и находятся в ряду сходных вторичных образований от корней с другими конечными веллярными, ср. *мокиться* (от *мокрый* — Сл., Глускина 1979, с. 116), *волочить* 'волочить' (Гд., Глускина 1979, с. 115) и т.п. Форма *валхэбница* (ВЛ, ПОС 4.134), *волхэбница* (Беж., Глускина 1979, с. 119) имеет -х- по аналогии с распространёнными в псковских говорах рефлексамии слав. **vyxъ*, **vyxъva* и их производными: *волхв, волхва, волхвист, волхвит, волхвитка, волховство, волхова, волховина* (ПОС 4.131—132), ср. также регулярные рефлексии в *волиэбники* (Сер.), *волиэбница* (Пуст., ПОС 4.134). Слово *пороха* (Гд., Пск., Стр., Глускина 1979, с. 117), видимо, восходит не к слав. **rōrša* < **rōrxa*, а к **rōrxa*, бессуффиксальной основе на -ā-, параллельной к **rōrхъ* (рус. *порох*), ср. слвн. *prāha* 'der Ausflug (der Bienen), um sich zu sonnen' (Plet. II 290.) при *prašiti* (= рус. *порошить*) 'Staub erregen; bestäuben', *prašiti se* 'ausfliegen, sich wittern, sich sonnen' (Plet. II. 211).

Отмечены следующие примеры интервокального рефлекса х < s: *мяхо* (**mēso*, Кр., Глускина 1979, с. 115); *выхахня* 'высохнет' (**vūsъxnpti*, Латв. ССР, ПОС 6.65), *выхяхшы* (с неясным смягчением — Дн., ПОС 6.66), *выхахн'а хл'ён* (С.-З. 181); *принеху* (**nēsъ*, Глускина 1969, с. 33); *два чах'а* (**časъ*, С.-З. 181); *пытрах'у* 'потряси' (**tręsi*, С.-З. 96).

Интервокальный переход *s > х хорошо документирован также в итеративах на *-*ati* и *-*ovati*, образованных не от i-глаголов, т.е. не имеющих -j- после ауслатного согласного корня: 1. **rojasati*, **rojasovati*: *апай'ахываит* (С.-З. 17), *апай'ахывал'ис'* (С.-З. 75), *апай'ахывайуца*, *апай'ахавишы* (С.-З. 76), *опой'ахат'* (С.-З. 78), *распой'ахати* (С.-З. 81), *апай'ахывайуца*, *апай'ахывал'ис'* (С.-З. 85), *эпай'ахывайуца* (С.-З. 86), *опой'ахывал'ис'* (С.-З. 95), *апай'ахавишы* (С.-З. 114), *опой'ахавишы* (С.-З. 115), *опай'ах'ивал'ис'* (С.-З. 117), *опой'аховала* (С.-З. 119), *опай'ахалас'* (С.-З. 120), *опай'ах'ивал'ис'* (С.-З. 122), *опай'ах'ивал'ис'* (С.-З. 124), *опой'ахавишы* (С.-З. 126), *опай'аховал'ис'* (С.-З. 148), *упай'ахавал'ис'* (С.-З. 177), *апай'ах'ивайуца* (С.-З. 184), *апай'ахывал'ис'* (С.-З. 185), *апай'ахывал'с'а* (С.-З. 185), *пытпай'аханы* (С.-З. 186), *апай'ахатица*, *апай'ахал'с'а* (С.-З. 188), *патпай'ахавишы'*, *апай'ахавал'ис'* (С.-З. 195), *апай'ах'ивал'с'а* (С.-З. 198), *апай'ахавишы* (С.-З. 201), *апай'ахываца* (С.-З. 206), *распай'ахал'с'а* (С.-З. 210), *н'ипатпай'ахавишы* (С.-З. 212), *патпай'ахавица* (С.-З. 223), *атпай'ах* (Остр., ПОС 2.222), *упай'ахыват'* (Печ., ПОС 6.92), *апай'ахывал'ис'* (Остр., ПОС 6.145), *опаяхат'* (Глускина 1962, с. 43), *опаяхыват'* (Глускина 1962, с. 47). 2. **plęsati*, **plęsovati* 'плясать': *пр'ипл'ахывайе* (С.-З. 22), *нопл'ахывай* (sic! — С.-З. 78) *пр'ипл'ахывайут*, *пр'ипл'ахывут* (С.-З. 89), *пр'ипл'аховала* (С.-З. 116), *отпл'ахвали* (С.-З. 177), *выпл'ахывала* Гд., ПОС 6.35), *выпл'ахывали* (Стр., ПОС 6.35), *выпл'ахывают* (Печ., ПОС 6.35), *пляхат'* 'плясать (?)' (Глускина 1962, с. 43), *подпляхывать* (Глускина 1962, с. 47). 3. **ęsati*, **ęsovati*: *расчохывать*

(Глускина 1962, с. 47), также *чоханцы* 'валенки' (Глускина 1962, с. 47), *чехануть* 'почесать' (Глускина 1962, с. 48), с вторичным аблаутом (*рас*) *чохывать* (Глускина 1962, с. 48). 4. **tesati*: с вторичным аблаутом *оттяхывать* 'обтесывать' (Глускина 1962, с. 47). Вторично образован от *пл'охнут'* < **plys(k)noti* (см. выше) итератив **пл'охат'и*: *ведры распл'ахаю* (С.-З. 210).

Имеются следующие примеры на переход *z > γ (> z): 1. **lāzati*, **lāzovati*: *вылауывают* (Остр., ПОС 6.5), *вылауывать* (Глускина 1962, с. 47) *вылауывать* 'вылезать' (Остр., Глускина 1979, с. 118). 2. **koza*: *кога* 'коза' (Кр., Глускина 1979, с. 121). 3. **vęzati*, **vęzovati*: *вяуывель* (Палк., ПОС 6.117).

Наибольший интерес представляют для нас псковские х и γ (г) на месте слав. *sj, *zj. В первую очередь такие рефлексии представлены в итеративных глаголах на -*jati*, -*jevati*, образованных от i-глаголов.

1. **kasjevati*, ср. **kositi*: *скахываем касой* (С.-З. 82), *скахывать* (Глускина 1962, с. 47).

2. **krasjevati*, ср. **krasiti*: *прикрахывать* (Глускина 1962, с. 47).

3. **kusjati*, **kusjevati*, ср. **kusiti* 'пробовать, есть': *күхайут'*, *күх'ит* (С.-З. 84), *күх'ала, күхайуиш* (С.-З. 104), *күх'ал'и* (С.-З. 177), *күх'ал* (С.-З. 177), *күх'ат'*, *күхайеиш* (С.-З. 181), *күх'ал* (С.-З. 206), *күх'ай* (Н.-Рж., ПОС 2.97), *күх'ат'* (Остр., ПОС 2.141), *күх'али* (Печ., ПОС 4.20), *күх'ат'* (Печ., ПОС 4.145), *күх'уиш* (Пск., ПОС 4.12), *күх'ат'* 'есть, пробовать' (Печ., Глускина 1962, с. 43—44, 47), *күх'ывать* (Глускина 1962, с. 47).

4. **męsјati*, **męsјevati*, ср. **męsiti*: *в'им'ахала* (С.-З. 23), *н'е пом'ех'айете* (С.-З. 80), *м'ех'айе* (С.-З. 81), *см'ах'ал'ис'а, м'ах'ала* (С.-З. 86), *м'ех'айет* (С.-З. 94), *разм'ех'айеиш, м'ех'айу, м'ех'айеиш, м'ех'айе, м'ех'айим* (С.-З. 97), *пам'ех'ивала* (С.-З. 176), *м'ах'айу* (С.-З. 180), *пам'ах'ал'с'а умом* (С.-З. 181), *м'ах'айут* (С.-З. 185), *падм'ех'иваим, м'ах'айиш, м'ах'айу, м'ах'айим* (С.-З. 186), *н'е м'ех'айе* (С.-З. 192), *мех'ат'* 'мешать' (С.-З. 197); *м'ах'айим'е, вм'ех'ивал'с'а* (С.-З. 206), *м'ах'ат'* (С.-З. 206), *м'ах'айе'иш* (С.-З. 207), *взм'ах'айим, взм'ех'ануйу* (sic! — С.-З. 227), *вм'ех'ивайе* (Себ., ПОС 4.59), *смях'али* (Пск., ПОС 5.90), *мях'ай* (Сер., ПОС 6.107), *мях'ат'* (Кр., ПОС 6.121), *мех'ат'* 'мешать' (Глускина 1962, с. 44), *мех'ывать* (Глускина 1962, с. 47).

5. **prasјati*, **prasјevati*, ср. **prositi*: *спр'ахывал, спр'ахывайе, спр'ахывай* (С.-З. 6), *н'а спр'ахывай, спр'ахывай, спр'ахывайут* (С.-З. 7), *наспр'ахывал, спр'ахывай* (С.-З. 77), *спр'ахывайут* (С.-З. 78), *не спр'ахывай* (С.-З. 79), *спр'ахывайе* (С.-З. 81), *спр'ахыват* (С.-З. 82), *спр'ахывайу* (С.-З. 92), *спр'ахывай, допр'ахывайет, допр'ахывал'и* (С.-З. 94), *спр'ахывайу* (С.-З. 95), *спр'аховайут* (С.-З. 97), *запр'ахвал'и, запр'ахыв'им* (С.-З. 98), *выспр'ахывайу, выспр'ахывайет, спр'ахывайут* (С.-З. 101), *спр'ахывала* (С.-З. 102), *спр'ахывайут* (С.-З. 103), *спр'ахывал'и* (С.-З. 104), *наспр'ахывайте* (С.-З. 117), *спр'ахывай* (С.-З. 177), *спр'ахывайу* (С.-З. 179), *спр'ахывал* (С.-З. 186), *спр'ахывайе* (С.-З. 186), *н'а спр'ахывайут* (С.-З. 192), *спр'ахывайа* (С.-З. 197), *спр'ахывайет, спр'ахывайе* (С.-З. 200), *спр'ахыват'* (С.-Р. 214), *спр'ахывае* (Остр., ПОС 2.238), *выспр'ахываеиш* (Остр., ПОС 5.38), *выспр'ахыв'или* (Гд., ПОС 6.68), *выспр'ахывали* (Пок., ПОС 6.68), *спр'ахыват'* (Глускина 1962, с. 43, 47).

6. **věsjati*, **věsjevati*, ср. **věsiti*: *v'эхат'*, *навэхајут* (С.-З. 82), *v'эхай*, *v'эхайу* (С.-З. 89), *v'эхайуца* (С.-З. 100), *нав'эхаим*, *v'эхаитца*, *v'эхал'и*, *v'эхат'*, *v'эхайут* (С.-З. 104), *v'эхайт'е* (С.-З. 174), *v'эхайут* (С.-З. 186), *навэхано* (Гд., ПОС 3.122), *вэхалка* (Гд., ПОС 3.136), *вехала* 'вешало (существительное)' (Печ., ПОС 3.136), *вэхаю* (Пск., ПОС 3.137), *вэхыит* (Пск., ПОС 3.137), *вэхать* (Себ., ПОС 3.137), *вэхают* (Пл., ПОС 3.137), <*вэхать*> (без приведения форм: ВЛ, Гд., Н.-Рж., Оп., Печ., Полн., Пск., Сер., Пушк., ПОС 3.137—138), *вэхать* (Гд., ПОС 3.138), *вэхали* (Н.-Рж., ПОС 3.138), *вэхать* (Сер., ПОС 3.138), *вэхаеся* (Гд., ПОС 3.138), *ня вэхайся* (Остр., ПОС 3.138), *вэхаюца* (Гд., ПОС 3.138), *не вэхайся* (Пушк., ПОС 3.138), <*вехаться*> (без приведения форм: Аш., Гд., Кр., Ляд., Н.-Рж., Оп., Остр., Пск., Сер., Стр., ПОС 3.138), *вэхься* (2-е л. ед. ч.: Пск., ПОС 4.21), *вывехай* (Остр., ПОС 5.128), *вывэхают* (Остр., ПОС 5.129), *вэхьим* (Гд., ПОС 5.136), *вэхалась* (Гд., ПОС 6.7), *вэхьши* (Пск., ПОС 6.118), *развехать* (Глускина 1962, с. 43), *вехать* 'вешать' (Глускина 1962, с. 44), *вехывать* (Глускина 1962, с. 47).

7. **nasjati*, **nasjevati*, ср. **nositi*: *нанэхывут* (С.-З. 86), *вына́хывайу* (С.-З. 95), *абна́хываем*, *на́хывал'и* (С.-З. 101), *панáхыват'* (С.-З. 102), *нанáхыват'* (С.-З. 103), *абна́хываиш* (С.-З. 104), *на́хывайуца* (С.-З. 174), *нанáхывал* (С.-З. 185), *н'а на́хывала* (С.-З. 190), *нахывала* (С.-З. 229), *абна́хывал* (Печ., ПОС 3.82), *вына́хвьвьт'* (Печ., ПОС 6.21), *вына́хываем* (Пушк., ПОС 6.21), *вына́хвьву*, *вына́хвьвье* (Кар., ПОС 6.21), *вына́хывали* (Гд., ПОС 6.21), *не вына́хивьем*, *вына́хивае* (Гд., ПОС 6.21), *вына́хываица* (3-е л. ед. ч.: Гд., ПОС 6.21), *не вына́хвьвьюць* (Печ., ПОС 6.21), <*вынахиваться*> (без приведения форм: Пск., Сер., ПОС 6.21), *нахывать* (Глускина 1962, с. 43, 47); видимо, с другой ступенью аблаута (**nosjati*): (*om*)-*нохат'* (Глускина 1962, с. 47).

8—9. Инновационный аблаут представлен в *гола́хова-* и *кола́хова-* (вместо **голохова-*, **колохова-*), ср. **golsiti* и **kolsiti*: *галáхыват'*, *галáхывайит* (С.-З. 3), *пригола́хывает* (С.-З. 78), *пригалáхывајут* (С.-З. 82), *згалáхывает* (С.-З. 91), *пр'игалáхывает*, *згалáхывайут* (С.-З. 91), *пр'игалáхывайут* (С.-З. 101), *пригалáхываје*, *пр'игалáхывайут* (С.-З. 104); *выка́лхываица* (С.-З. 7), *выколахываться* (Ляд., Глускина 1962, с. 43).

Помимо перечисленных выше глаголов, переход **sj*>*x* засвидетельствован также в существительном *но́ха* 'ноша' (<**nōsjā*, С.-З. 263).

Параллельным развитию **sj*>*x* является переход **zj*>*γ* (>*г*), представленный в следующих двух глагольных основах: 1. **grazjevati*, ср. **groziti*: *награуывать* 'грозить' (Глускина 1962, с. 47; Остр., Глускина 1979, с. 118). 2. **vazjevati*, ср. **voziiti*: *вауывал* (Кар., 3.17); *выуывать*, *перевауывать*, *свауывать* (Глускина 1962, с. 47), *вауывать* (Кар., Остр., Порх., Глускина 1979, с. 117—118), *свауывать* (Палк.), *перевауывать* (Гд., Палк., Глускина 1979, с. 118), *вагивать* 'возить' (Глускина 1979, с. 118). Впрочем, последняя форма с взрывным -г- может быть образованием от глагола *водить* в значении 'возить', см. ПОС. 4.75 *водить*² 'то же, что возить'. В таком случае *вагивать* восходит к **vadjjevati*, см. другие случаи перехода **dj*>*г* ниже.

Также как и интервокальное *x*, регулярно соответствующее прасла-

вянским **sj* и **s*, но не **š*, псковское интервокальное *γ* (/з) обнаруживается исключительно на месте **zj* и **z* (см. выше), тогда как слав. **ž* всегда дает псковское *ж* (либо *ж'*, *ж** и подобные звуки в говорах с "шепелявением").

Лингвогеографический анализ материала с псковским *x*<**sj*, **s* выявляет тот факт, что ареал рефлекса *x*<**s* значительно шире, чем ареал *x*<**sj* (особенно показательно здесь гораздо более широкое распространение итеративов *s-x*- типа *опойáховать/-ывать*, т.е. без суффиксального -*ј*-, чем итеративов с суффиксальным -*ј*-, см. АРНГ Сев.-Зап., карта 133). На территории псковского диалекта *x* из **sj* отмечено исключительно в западном и юго-западном ареале (т.е. на основной, самой древней территории псковских кривичей), а *x* исключительно из **s* в интервокале, а также из **s*, **š* перед сонантами отмечается на более восточной, первоначально ильменско-словенской территории (см. карту 2, где показан ареал **sj*<*x*). По-видимому, рефлекс *x* из слав. **sj* является реликтом псковско-кривичского диалекта на его исконной территории (ср. аналогичную ситуацию с *ы/е* на месте **ь* перед йотированными сонантами — см. выше, с. 121).

То, что *x*<**sj* и *γ* (з)<**zj* являются фонетическими, а не морфологическими рефлексами, возникшими в результате переосмысления альтернативных рядов, подтверждает сходная судьба праславянских **dj* и **tj* (давало ли праславянское сочетание **kt'* в словах типа **nokt'* псковские рефлексы, отличные от **k* в позиции I палатализации, неизвестно), отражающихся как псковские *k* и *г* соответственно (по крайней мере перед задними гласными), причем не только в итеративных глаголах, но и в именах, где морфонологическая аналогия маловероятна.

1. *rogать* 'рожать' (Гд., Глускина 1979, с. 116)<**rodjati*, итератив от **roditi*.

2. *сострекать(ся)* 'встречать(ся)' (ВЛ, Гд., Дед., Кун., Нов., Пск., Пушк., Сл., Глускина 1979, с. 116), *встрекать* 'встречать' (Оп., Глускина 1979, с. 116), *састрюка́ецца* (Нев., ПОС 5.72), *встрекать* (ПОС 5.90 — без указания на район); форма с -к- хорошо известна из старопсковских памятников, например *сустрѣкали* I-я Псковск. лет. (Срезн. III. 627); смол. *устрикають* (Смол., ССГ 2.85), *устрикай* (Дух., ССГ 2.86), *устрикат'* (Смол., Дух., ССГ 2.86); наличие глагола с -к- в северо-восточных белорусских говорах подтверждает белор. литер. *сустракаць* 'встречать'<**sz-rějtati*, итератив от **rětiti*.

3. *выпруга́ют* (2х), *выпруга́ешь* 'вывалить и т.п.' (Ляд., ПОС 6.40), *выпруга́юца* (Стр., ПОС 6.40), *опругать*, *выпругать(ся)* 'выливать(ся), опоражнивать(ся)' (Ляд., Пл., Стр.: Глускина 1979, с. 116)<**prgdjati*, итератив от **prgditi*. В псковских говорах представлен также и глагол *выпружа́ть* с "общерусским" рефлексом *ж* и производящий глагол *пруди́ть*: *выпруди́ть* 'вывалить' (Остр., ПОС 6.40), *испруди́ть* 'опрокинуть' (Пск., СРНГ 15.249). В свете данных других русских диалектов и внешнего сравнения вторичной представляется форма *пружи́ть*, отмеченная исключительно в псковском и явно достроенная к итеративу *пругать*: *выпружить* (ПОС 6.40).

4. *напу́га* 'пресыщение' (СРНГ 20.109: отмечено в псковских и ос-

ташковских говорах) < **na-rǝdǝjā*, ср. **rǝditi* в смол. *napǝditi* 'положить, налить ч.-л. сверх меры' (СРНГ 20.109).

5—6. *фпэкали* (Пушк., ПОС 5.14), *фпэкють* (Н.-Рж., ПОС 5.14), *фпекать* (Порх., ПОС 5.14), *впекал* (Н.-Рж., СРНГ 5.170), *фпэкался* (Остр., ПОС 5.14), *фпэкаюцца* (Кр., ПОС 5.14), *фпэкалась* (Дн., ПОС 5.14), *фпэкались* (Остр., ПОС 5.14), *впекать* (пск., СРНГ 5.170), *впекаться* (пск., оstashк., СРНГ 5.170) — глагол *в-пэкать* 'засунуть, запихнуть' < **vǝ-rǝtjati*, итератив к **rǝtiti*, ср. *впэтать*, *впэтывать* 'вбивать, вколачивать' (Арх., Зап., СРНГ 5.171).

7. *вдака* 'удача', *наудаку*, *навдаку* 'наудачу' (Кар., Печ., Порх., Пск.: Глускина 1979, с. 117) < **vǝ/u-dǝtjā*, ср. праславянское бесприставочное **dǝtjā*: рус. *дǝча*, с.-х. *дǝħа*, а также **za-dǝtjā*: рус. *задǝча*, с.-х. *зǝдǝħа* и т.п.

8. *багǝет* 'бодает' (Пл., ПОС 2.66), *богǝть* (Порх., ПОС 2.66), *багалась* 'бодалась' (Гд., ПОС 2.66), *багǝцца* 'бодаться' (Гд., ПОС 2.66), *богǝеццǝ* 'бодается' (Пл., ПОС 2.66), *бугǝецца* (Гд., ПОС 2.66), а также с нерегулярным (видимо, экспрессивным) вокализмом: *быгали* (Гд., ПОС 2.66), *быгǝт* (Гд., ПОС 2.66), *быгǝть* (Гд., ПОС 2.66), *быгǝть* (Ляд., ПОС 2.66), *быгǝицца* (Слан., ПОС 2.66), *быгǝецца* (Ляд., ПОС 2.66), *быгǝицца* (Гд., ПОС 2.66), *быгǝться* (Гд., Ляд., Печ., Пл., Полн., Сер., ПОС 2.66), *быгǝюцца* (Гд., ПОС 2.66). Данные формы образованы от итеративного глагола **bodjati* 'бодать', в свою очередь образованного от **boditi*, засвидетельствованного только в псковском: *будǝцца* 'бодаются' (Сош., ПОС 2.132) — здесь -у- < -о-, ср. выше *бугǝецца* и подобную форму от **bosti*, **bodp*: *будǝцца* (Н.-Рж., ПОС 2.132). Формы *богǝть* | *быгǝть* встречаются на великорусской территории, кроме псковского диалекта, также в небольшом количестве на Востоке (явление "кривичского пояса"), см. ДАРЯ III, карта 70.

9. *надǝга* 'надежда' (Гд., Ляд., Глускина 1979, с. 117), ср. также перм. *надǝга* (СРНГ 19.228) при "общерусском" рефлексе в диал. *надǝжа* < **na-dǝdjā*, образованном от редуцированной основы **dǝti*, **dedjǝ*.

Кроме собственно псковского диалекта, большое число образований с *г*, *к* на месте **dj*, **tj* встречается в генетически близких ему говорах Новгородской, Калининской и Смоленской областей и северо-восточной Белоруссии, а также в онежских (олонецких) говорах, имеющих и другие специфические сходжения с псковскими, в первую очередь гдовскими говорами (см. Захарова—Орлова 1970, с. 117—119, в особенности пункты 7, 10, 11, 12, 16), и в отдельных архангельских, Кировских (вятских), пермских, свердловских и сибирских говорах, несомненно возникших на основе псковско-новгородских говоров метрополии. Можно привести следующие примеры:

10. новг., пск. *завекǝть* 'давать зарок не делать чего-л.; налагать запрет; завещать'; новг. *завековать* 'id.' (СРНГ 9.302) < **za-vǝtjati*, ср. диал. *завечǝть* 'давать обет, завещать, налагать запрет и т.п.' (СРНГ 9.311), русск. литер. с церковнослав. фонетикой *завещǝть* — итератив от **vǝtiti*.

11. смол. *молога* 'молодые растения; молодые побеги растений' (СРНГ 18.220) при смол., новг. *молǝжа* 'молодые деревья' (ibid.) < **mǝldǝjā*.

12. вят. *надслǝгǝть* 'следить, наблюдать, заботиться' (СРНГ 19.252), *наслǝгǝть* 'стараться; заботиться' (СРНГ 20.169) < **na-slǝdǝjati*, итератив от **slǝdǝiti*, ср. последний в специфическом значении в говорах этого же региона: вят., волог. *наследǝть* 'присмотреть (за кем.-л.), наблюдать'.

13. олон. *запǝрека* 'досада', олон., новг., арханг. *запǝреку* 'обидно, досадно' (СРНГ 10.354), смол. *напǝрекать* 'упрекать, укорять' (СРНГ 20.97) < **za-prǝtjā*, **-prǝtjati*, итератив к **prǝtiti*. В данном корне, видимо, необходимо восстанавливать праслав. **prǝ-*, а не **per-* ввиду широкого распространения глагола **prǝtiti* в великорусских говорах в значениях, не выводимых из значений ц.-слав. *prǝtiti* 'удерживать; угрожать': например, *напǝрǝт'ут* 'показаться неприятным' (д. Дубровки Селижаровского района Калининской обл.), ср. также семантику литер. глагола *претǝть* (иначе Фасмер III. 361). Литер. *у-*, *попǝрекать* (с вторичными deverбтивами *упǝрǝк*, *попǝрǝк*) должен быть признан диалектным (см. ниже о таких словах в литературном русском).

14. Новг., калин., прионеж., олон. (а также в более восточных зонах позднейшей колонизации) *лǝга* 'болотистое, топкое место; лощина, впадина (обычно заполненная водой); лужа; грязь, слякоть; глубокое место в реке; небольшой водоем; сухое место среди болота; неудобная для обработки земля; трава, похожая на 'осоку' (СРНГ 17.253—254) при волог. *лǝжа* 'сырое топкое место (в лесах и на сенокосах)' (ibid. с. 269) < **lǝdǝjā*, ср. широко распространенное в русских говорах *лǝдǝ* 'вырубленное и выжженное под пашню и сенокос место в лесу; сырое место среди посевов; низкое, сырое место, болото; низина, впадина, заполненная водой; постоянная лужа; большая яма, заполненная водой, лужа; трясины, топь; речная заводь, озеро; сухое, высокое место среди болота; земля, неудобная для обработки; низкая гладкая трава (болотная?)' (СРНГ 17.259—259), а также производные от *лǝда* и *лǝжа* (там же). Ввиду параллелизма значений слов *лǝда* и *лǝга* в русских говорах следует, видимо, признать производность *лǝга* | *лǝжа* от *лǝда* (**lǝda*) и отклонить предлагавшееся родство *лǝга* с *луг* (ср. Фасмер II.548).

В смоленских говорах отмечено дополняющее приведенный на с. 132 список интересное образование с *γ* < **zj* ельн. смол. *зупǝга* 'пазуха' < **zǝpǝga* с рефлексом диссимилятивного аканья и фрикативным *γ*, так как взрывное *г* в смоленских говорах отсутствует (СРНГ 12.24) < **za-pǝzǝjā*, ср. чеш. *paže*, слов. *paža* и другие подобные славянские образования.

Внутри "кривичской" зоны специфически псковской особенностью, видимо, является лишь переход **sj* < *x* (*нǝħа*); в остальных системах, знающих рефлексы **tj* > *к*, **dj* > *г*, **zj* > *γ*, единственным известным нам рефлексом **sj* является *ш*.

Во всех приведенных выше примерах псковские *г*, *к*, *х* < **dj*, **tj*, **sj*, **zj* находятся перед задними гласными (такая же позиция представлена в глаголах на -*хивать*, -*γивать*, -*кивать*, -*гивать*, где -*и*- вторично из -*ы*- / -*о*-). Материал по рефлексам этих сочетаний перед передними гласными и в ауслауте недостаточен, чтобы сделать определенные выводы. Рефлекс *т* в пск. *гǝти* 'штаты' (ПОС 6.144; СРНГ 6.152) при "общерусском" *гǝчи* (например, ПОС 6.144) < **gǝtjǝ*, ср. укр. *гǝчи*, с.-х.

дѣе, чеш. *hase*, не обязательно указывает на первоначальное развитие $*tj > m'$ перед гласным переднего ряда, так как на территории псковского диалекта широко представлен вторичный переход $k' > m'$ (*т'ислый, т'инуть* и т.п., см. ниже, с. 144).

В "кривичских" непсковских системах имеются рефлексы $-z < *dj$ перед передними гласными в производных от основы $*medj-$: смол. *мез* 'между' $< *medjь$ (СРНГ 18.92); олон. *мезэнь* 'жаркая пора', сев. *мезэнь* 'тишина на озере' $< *medjень$ (СРНГ 18.93) — ср. *межэнь* в близких значениях (СРНГ 18.84—85); смол. *мезиситка* 'пшеничная мука' (СРНГ 18.94) $*medje-sitska$. Видимо, вторично возникшее под влиянием форм типа *мез, мези-*, смол., арх. *мэзу* 'между' (СРНГ 18.96). Заслуживает внимания форма асс. sg. masc. *рыжи* 'рыжий' ($< *rydžьjь$) в новгородской берестяной грамоте N 160 (см. Зализняк 1986, с. 296 sub v. *рыжиш*). Эта древненовгородская форма поддерживается геп. sg. f. *рызой* 'рыжей (о масти коровы)' в Целебнике рубежа XVII—XVIII вв. (рукопись хранится в Гос. историч. музее, шифр Музейск. 1226; материал любезно предоставлен автору А.А. Зализняком); этот памятник содержит и другие яркие северо-западные черты, в первую очередь в области акцентуации. В новгородском городском койне, образовавшемся, видимо, главным образом на основе псковско-кривичского диалекта (см. статью А.А. Зализняка в этом сборнике), а потом распространившемся на русском Севере в процессе колонизации, самостоятельно или под влиянием диалекта смоленских кривичей развились некоторые особенности в рефлексации велярных в позиции II палатализации (см. ниже), а также сочетаний дентальных с $-j-$ (как и в смоленском диалекте, в новгородском койне $*sj$ отражалось как *ш*). Можно предположить, что переход $*dj > *z/z'$ перед передними гласными — либо собственно новгородский, аналогичный смоленскому, либо слова с такими рефлексами заимствованы из смоленского диалекта (ср. проникновение далеко на север смоленско-кривичской изоглоссы акцентного противопоставления *дала: бра́ла*, см. ниже, с. 149 сл.).

Псковские x, γ, k, z и сходные рефлексy в генетически близких говорах на месте праславянских $*tj, *dj, *sj, *zj$ не только в глаголах, но и в существительных (в особенности в таких, как $*зан́ага, л'а́га$ и т.п., отчасти имеющих непосредственные параллели в других славянских языках), где вторичное "восстановление" велярных, по теории С.М. Глускиной, вряд ли возможно, заставляя заключить, что мы имеем в данном случае результат не морфонологического, а именно фонетического процесса. Псковским говорам известно вторичное появление велярных на месте шипящих, возникавших из велярных в позиции I палатализации и из сочетаний $*kj, *gi, *xj$ (*мокиться, сплохить, токило, постникать, прирукать* — см. материал в Глускина 1979). Однако если в итеративах на $*-a-$ мы можем предполагать рефлексy праславянских образований без $*-j-$, а в словах типа *сплохить* — восстановление велярного по действительно морфонологической аналогии, то появление велярных в глаголах типа *замекать, рогать* вряд ли объяснимо таким образом. Более того, фрикативное γ на месте $*zj$ в говорах, где слав. $*g$ регулярно дает взрывное z (ср. формы типа *нагрáуывать*), может быть объяснено только как появившееся фонети-

ческим путем: возникновение новой фонемы исключительно в результате морфонологической аналогии ($k : x = z : \gamma$) было бы уникальным случаем с типологической точки зрения. Более разумным представляется предложение о том, что в псковском диалекте (а также первоначально в смоленском диалекте) праслав. $*tj, *dj, *sj, *zj$ давали вначале $*k', *g', *x', *γ'$ (ср. имевшийся в псковском и смоленском ряд палатальных сонантов $*n', *l', *r'$ и даже $*w'$, см. выше, с. 121 сл.), а затем по крайней мере перед *a* и *o(ь)* они отвердевали, сохранившись в современных псковских говорах в виде k, z, x и γ (примеры с "общерусскими" рефлексами данных сочетаний объясняются в таком случае лексическими заимствованиями из соседних говоров, в которых "общерусские" рефлексy были регулярными). В смоленском диалекте, по всей видимости, $*tj$ и $*dj$ давали соответственно k и z перед *a* (через стадию $*k', *g'$, как и в псковском), тогда как $*dj$ в других позициях давало $*dz' > *dz > *z$, а $*sj$ и $*zj$ — идентичные "общерусским" рефлексy *ш* и *ж*. Относительно смоленского рефлекса $*tj$ перед гласными переднего ряда см. ниже, с. 145.

* * *

Выше мы уже встретились с рефлексом $-k-$ на месте $*tj$ в литературном русском языке (*у-, по-прекать*). Можно привести другие аналогичные примеры:

15. *намека́ть, смека́ть* несомненно родственны пск. *намека́ть* 'делать метки, метить', *примека́ть, замекать* 'примечать, замечать' (Глускина 1962, с. 44), *мекáть* 'считать' (пск., осташк., СРНГ 18.94), смол. *мекува́ть* ($< *sь-mětjuvati$) 'обдумывать, рассуждать о чем-л.' (СРНГ 18.95), ст.-пск. *примека́ти / primekat* 'verwundern' (Фенне 177, N 16), которые происходят из $*mětjati$, ср. диал. *мэка́ть* 'думать, предполагать', литер. *намека́ть, смека́ть* (с вторичным девербативом *наме́к*) и ранее считались образованиями от $*mětiti$ (см. Фасмер II. 594 со ссылкой на этимологию А. Брюкнера). Они, по всей видимости, заимствованы из диалекта типа псковского, знавшего переход $*tj > k$, ср. ареал диал. *мэка́ть* (СРНГ 18.94) на территории старого заселения: Костром., Твер., Новг., Вят., Ряз., Тул., Осташк., Влад., Смол.; характерны и ареалы нового заселения: Вят., Перм., Казан., Пенз. Эта зона в основном совпадает с распространением и других специфических черт псковского (точнее, южнопсковского) типа, наличие которых может объясняться древним восточным расселением кривичей, в результате которого образовался среднерусский диалектный "кривичский пояс" (разумеется, что на территории нового расселения эти черты попали уже не с кривичами, а с носителями говоров, в которых эти черты были унаследованы из далекого прошлого).

В пучок изоглосс, объединяющих южнопсковские (отчасти севернопсковские, смоленские и северо-восточные белорусские) говоры с говорами Волго-Окского междуречья, наряду с особым рефлексом $*b$ в отдельных лексемах (см. выше, с. 122) и примеры на $k < *tj$, входит еще рефлекс $*kv > kv' / k'v' / m'v'$ в словах типа $*kvěť$ (т.е. в позиции II палатализации).

Для "кривичского пояса" характерны также две изоглоссы, отражающие, по всей видимости, одно и то же старое фонетическое явление, проявляющееся в современных говорах только в морфологии. Речь идет о безударном окончании тв. п. ед. ч. \bar{a} -основ (и вторично i -основ) $-y\bar{i}(y)$ и безударных окончаниях $-y$ (1-е л. ед. ч.) и $y-ym/-ym'$ (3-е л. мн. ч.) презенса \bar{a} -глаголов ($\delta\acute{u}mu < *dumaj\bar{o}$, $\delta\acute{u}mut/\delta\acute{u}mut' < *dumaj\bar{o}t\bar{s}/-t\bar{s}$).

Если происхождение глагольных окончаний как результата стяжения гласных прозрачно, то первое $-y-$ в окончании тв. п. \bar{a} -основ трудно объяснимо. Получившее наибольшее распространение объяснение окончания в формах типа $b\acute{a}b\bar{u}y$, $n\acute{a}lk\bar{u}y$ как возникшего в зонах, переходных от акающих говоров к окающим (согласно этой точке зрения $-y-$ в данной флексии — реликт оканья в системах с вторичным аканьем), кажется весьма спорным, так как в западной части ареала окончание $-y\bar{i}(y)$ распространено в говорах с диссимилативным, т.е. весьма архаичным аканьем (смоленские, северо-восточные белорусские говоры). Скорее всего, формы типа $b\acute{a}b\bar{u}y(y)$, $n\acute{a}lk\bar{u}y(y)$ восходят к промежуточным $*b\acute{a}b\bar{u}$, $*n\acute{a}lk\bar{u} < *b\acute{a}b\bar{o}$, $*n\acute{a}lk\bar{o}$, где $-o$ из $*-oj\bar{o}$ произошло в результате выпадения $-j-$ аналогично тому, как возникли окончания $-y$, $-ym/-ym'$ в глаголах (см. выше). Несовпадение ареалов окончания $-y\bar{i}$ и глагольных $-y$, $-ym'$ в юго-западной части ареала (см. карту 3), видимо, объясняется вторичным вытеснением контракционных глагольных форм; в случае постановки ударения на одном из гласных последовательности $-Vj\bar{o}$ контракции не происходило (нет форм типа $*znu$, $*uzn\acute{u} < *zn\acute{a}j\bar{o}$, $*-znaj\bar{o}$).

Следует обратить внимание на то, что на старой кривичской территории все показанные на карте изоглоссы "кривичского пояса" одновременно засвидетельствованы лишь на южнопсковской территории, приблизительно в районе Опочки. В.В. Седов отмечает, что кривичская колонизация Волго-Окского междуречья началась в основном в XI в., и "не подлежит сомнению, что осуществлялась она из Смоленской земли" (Седов 1982, с. 189). Археологические данные не позволяют установить точно, из какого конкретно места двигался основной поток кривичского населения, а территория крайнего юга Псковской земли с точки зрения археологии относилась в IX—XIII вв. к области смоленско-полоцких кривичей (см. Седов 1982, с. 160—162, карта 25). Археологические данные о кривичской колонизации Волго-Окского междуречья также хорошо согласуются с лингвистическими. Согласно В.В. Седову, ареал кривичских браслетообразных височных колец с завязанными концами "от Верхнего Поднепровья продолжается далеко на восток. Сначала он узкой полосой тянется между поречьем тверского течения Волги, Москвы-реки и Клязьмы, затем расширяется, охватывая Ярославское Поволжье и всю Ростово-Суздальскую землю. На Владимирщине кривичи пересекли Клязьму и заселили часть мещерско-муромских земель, включая северные районы будущей Рязанской земли" (Седов 1982, с. 189).

Практически весь "кривичский пояс" охватывают ареалы рефлекса $*kv-$ (в позиции II палатализации) $> kv' / -k'v' / m'v-$ (см. карту 4) и окончаний $-y\bar{i}(y)$, $-y$, $-ym/-ym'$. Напротив, слова с рефлексом $e/у < *f$ перед

йотированными сонантами, кроме псковской и смоленской территории, отмечены лишь в области к востоку от Москвы. Имеется еще одно явление, известное почти исключительно "кривичскому поясу" и территориально дополнительно распределенное с рефлексом $*\delta > e/у$. Речь идет о нефонетической замене $-v$ род. пад. мн. ч. на $-x$. На территории старого расселения кривичей такое явление отмечено в основном южнее и юго-восточнее ареала $*\delta > e/у$, в "кривичском поясе" оно отмечено, с одной стороны, в Тверском Поволжье и с другой — южнее основного массива рефлекса $*\delta > e/у$ в Волго-Окском междуречье (бассейн Оки в районе Касимова, далее на юг до Моршанска и на восток до среднего течения Мокши, см. карту 3). Вне "кривичского пояса" явление $-x$ в род. п. мн. ч. отмечено лишь в одном большом массиве на севере, в междуречье Мологи и Суды, т.е. прямо на север от тверского ареала данного явления (см. ДАРЯ I, карта 54 — более восточные фиксации на Севере единичны). В современных говорах, в которых отмечено окончание $-ox$ род. п. мн. ч., в качестве окончания предл. п. мн. ч. используется $-ax$. Есть основания полагать, что источником смешения окончаний этих падежей первоначально был мягкий вариант склонения o -основ, в котором безударное $-f\bar{x}$ ($-ex\bar{x}$) местн. п. стал заменять род. пад. мн. ч. (первоначально на $-v$) в предложных конструкциях. Примером может служить архаичная система московской рукописи конца XVI в. (датирована 1587 г.) "Слова Максима Грека", говор 1-го и 2-го писцов которой на основании фонетических и акцентуационных особенностей может быть надежно локализован в районе Торжок—Тверь—Кашин (рукопись находится в Гос. б-ке им. Ленина, шифр: ф. 310, N 487): $p\acute{a}che... сод\acute{o}мланехъ$ 476, род. п. мн. ч. $\acute{o}b\bar{y}t\bar{c}ae^x$ 656, $рас\acute{e}нши^x || iud\acute{o}v\bar{e}^x$ 70—706, ou безв\bar{f}рны^x та|тар\bar{f}^x 716, и т.д.; показательная также форма местн. п. мн. ч. $\acute{o}... пр\acute{e}ст\bar{y}пниковъ$ 756 в других случаях предлог o управляет исключительно местн. п.), говорящая о неуверенности писца в употреблении "стандартных" окончаний род. и местн. падежей. Ареал окончания $-ox$ в род. п. мн. ч. точно совпадает с тверским ареалом кривичских могильников XI—XII вв. (см. ДАРЯ I, карта I), а также с компактным ареалом рефлекса $*kv- > m'v-$ к северо-западу от Москвы. Таким образом, можно предполагать, что заселение Тверского Поволжья, а также северной части Рязанской земли осуществлялось не южнопсковскими, а (северо) смоленскими кривичами (в отличие от основной территории Волго-Окского междуречья).

Важной изоглоссой, характерной для всего "кривичского пояса", является особая акцентуация i -глаголов акцентной парадигмы b_2 (см. подробно в: Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблема акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988). Доклады советской делегации. М., 1988), надежно привязываемая к кривичскому племенному диалекту на основании анализа как современных систем, так и старорусских памятников (в наиболее чистом и архаичном виде эта акцентовка представлена в псковских, западно-новгородских, смоленских и ржевско-волоколамских памятниках, имеющих и другие яркие кривичские черты).

Возвращаясь к формам с $-k-$ на месте $*tj$ в литературном русском

языке и восточнорусских говорах, можно привести еще следующие примеры:

16. *пугать* (ср. диал. *пужать*, белор. *пужаць* и т.д.) < **podjati*, итератив от **prǫditi* (рус. диал. *пудить* 'пугать, гнать'), о связи *пугать* и *пудить* см. также Фасмер III. 399—400.

17. *подоплёка* — первоначальное значение 'подкладка, подбой у крестьянской рубахи, от плеч по спине и груди' (Даль III. 193) < **podъplěta* или **pod-ǫ-plětǫ*, ср. слав. **pletjě* 'плечо'. Видимо, -к- < **tj* сохранился и в диал. *бѣлоплекій* 'белоплечий' (о птицах) (Даль I. 157 без указания диалектного источника слова). Попытки объяснения изолированных русских форм с -к- из слав. **plek-* наталкиваются на необходимость восстанавливать более ранней формы **plektje* 'плечо' с суффиксальным -t-, что находится в явном противоречии с данными других и.-е. языков (см. материал в Фасмер III. 281; лтш. изолированное *plecs* 'плечо', видимо, славянское заимствование).

18. *помёха* (< **po-měsjā*), ср. итератив **měsjati* (см. псковские формы с -х- выше, с. 131) и производящий глагол. **měsiti*. См. Фасмер III. 323 со ссылкой на Э. Бернекера.

19. костр. *мекать* 'бросать, кидать' < **metjati*, итератив, параллельный к **metati* (Виноградов, с. 32).

20. сибир. *оплёка* 'паз, с помощью которого доски скрепляются замком' (Бурят. АССР), 'гнездо; борть' (Бурят. АССР; Читин. — СРНГ 23.261) < **o-plětǫ*, от **plěto* 'плести'.

Раздел, посвященный "кривичскому поясу", необходимо завершить следующим важным замечанием. Как мы видели, на территории "пояса" обнаруживаются многие характерные черты псковского и смоленского диалектов, причем западное происхождение этих черт в основном не вызывает сомнений. Однако в то время как на старой кривичской территории многие из этих явлений представляют собой целостные системы и связаны с другими структурными чертами (см., например, ниже о параллелизме развития сочетаний дентальных с -j- и велярных в позиции II палатализации в псковском и смоленском диалектах), на территории "кривичского пояса", особенно в восточной его части, самые важные — фонетические — явления ограничены отдельными лексемами; лишь отдельные ареалы здесь могут быть признаны в основе кривичскими (Тверское Поволжье, район Муромы, район нового заселения в бассейне Суры и Мокши). Анализ других частей фонетической, морфологической и в особенности акцентологической систем восточно-среднерусских говоров показывает, что в своей основе они не могут возводиться к кривичскому племенному диалекту. На территории Волго-Окского проходят также древние изоглоссы, объединяющие отдельные говоры этого региона с восточными севернорусскими говорами ильменско-словенского происхождения, что согласуется и с археологическими данными (см. Седов 1982, с. 185—196), однако и от словенского основной массив говоров Волго-Окского междуречья отделяется рядом существенных древних признаков, что не позволяет реконструировать ильменско-словенскую основу этих говоров. Генетически эти говоры не связаны и с говорами, объединяемыми нами под названием "южнорусский диалект" и в основе своей восходящими к племенному

диалекту вятичей (современные курско-орловские, тульские и восточнорязанские говоры, см. часть 3 настоящей статьи). Складывается впечатление, что словенско-ильменские, кривичские и вятичские особенности, обнаруживаемые на территории Волго-Окского междуречья, имеют суперстратное либо адстратное происхождение. Основные говоры этого региона, объединяемые нами под названием "восточнорусский диалект", имеют ряд черт, близких к верхнеокским, брянским и центральнобелорусским говорам и, возможно, восходят к племенному диалекту славянского населения, для которого были характерны незавазанные браслетообразные кольца (см. Седов 1982, с. 194—195 и карта 36). Подробный анализ этих изоглосс будет приведен во 2-й части настоящей статьи.

* * *

В псковском диалекте велярные на месте "общерусских" аффрикат появляются еще в одном случае — в позиции II палатализации. Доказательству отсутствия II палатализации в псковском посвящена статья С.М. Глускиной (Глускина 1968), в дальнейшем велярные в этой позиции были обнаружены А.А. Зализняком в новгородских берестяных грамотах (см. Зализняк 1984, с. 77—95, здесь же приведен большой диалектный материал; Зализняк 1982, с. 61—69; Зализняк 1986, с. 111—119). Большое количество фактам по рефлексам велярных в псковских и других великорусских говорах имеется в материалах ДАРЯ.

Помимо **kěрь* 'цеп', **kěditi* 'цедить', **kьrkь* 'церковь', **kěль* 'целый', **kěна* 'цена', **xěрь* 'серый' и **xěдь* 'седой', необходимо, видимо, на основании русских диалектных рефлексов реконструировать праслав. **kipjě* 'цыпленок' (ср. восходящие к этой форме *m'unl'ama*, *ц'unl'ama*) — в настоящей статье, однако, рефлекс этой формы рассматриваться не будут ввиду необходимости тщательного анализа диалектного материала. Современные псковские и связанные с ними северные говоры не имеют *k'*- и *x'*- в рефлексах слав. **kьrkь*, **kěль*, **kěна*, **xěрь*, **xěдь*. Однако эти слова имеют особые рефлекс велярных в смоленском диалекте и в "новопсковской" системе (см. ниже). Ср.:

1. **kěрь* 'цеп, молотило' и производные от него: *кeп* 'ручная молотилка, цеп' (Палк., Глускина 1968, с. 28), *кeпoк* 'id.' (Остр., Глускина 1968, с. 25); *кeп* 'ручка цепа' (Остр., Палк., Печ., Глускина 1968, с. 25); *кeпoк* 'id.' (Сл.), *кeпeц* 'id.' (Пав., Стр., Глускина 1968, с. 25); *кeп* 'бьющая часть цепа, било' (Гд., Пск., Сл., Стр., Глускина 1968, с. 25), *кeпoк* 'id.' (Кар., Кр., Локн., Н-Сок., Оп., Остр., Пушк., Себ., Стр.), *кeпeц* 'id.' (Гд., Н-Рж., Остр., Палк., Порх., Стр., а также Мало-вишерский, Поддорский, Чудовский р-ны Новгородск. обл., Глускина 1968, с. 25—26), *кeпeтинка* (Ляд., Глускина 1968, с. 26), *кeпeц* 'цеп молотильный' (в олонекском словаре Г.И. Куликовского — см. Глускина 1968, с. 26), *кeп* 'цеп' (Новг., Пск., СРНГ 13.182), 'бьющая часть цепа' (Пск., СРНГ 13.182), *кeпeц/кипeц* 'цеп' (Олон., Новг., СРНГ 13.82), *кeпeц* (Новг., Олон., СРНГ 13.182), *кипeц* (Новг., Ленингр.,

⁴Ср. *крькъвь* в новгородской Минее XIII в.: Колесов В.В. Введение в историческую фонологию. Л., 1982. с. 93.

СРНГ 13.182), *к'ип'эц* (С. 10, 62, 78, 81, 84), *к'ип'эц'* (С. 90), *к'ип'эц* (С. 99, 188, 203, 206), *кап'эц* (Зап. 1), *к'еп'ина* (Зап. 2), *к'ап'ок* (Зап. 12), *к'ип'инка* (Зап. 500), *к'еп* (С.-З. 33), *к'ип'эц* (С.-З. 34), *к'ип'эц* (С.-З. 73), *кап'ит'ик* (С.-З. 92), *к'ап'этик* (С.-З. 93), *к'ап'эц* (С.-З. 194), *к'ип'эц* (sic! С.-З. 63), *к'еп* (С.-З. 195), *к'ап'эц* (С.-З. 198), *к'ап'эц* (С.-З. 200), *к'ап'ок* (С.-З. 207), *к'ап'ок* (С.-З. 227), *к'еп* (С.-З. 97), *к'еп'ок* (С.-З. 101), *к'еп* (С.-З. 115), *к'еп'эц* (С.-З. 124), *к'еп'эц* (С.-З. 157), *к'еп'эц* (С.-З. 158), *к'ип'эц* (С.-З. 166), *к'еп'эц* (С.-З. 171), *к'ап'эц* (С.-З. 176), *к'еп'к'ап* (С.-З. 177), *к'ап'эц* (С.-З. 267).

С производными от **кёрь* не следует смешивать образования от корня **тер-* 'бить' приблизительно в том же значении, ср. слвн. *térac* 'die Keule; der Schlägel', в особенности значение 'debelejši konec (glava) pri sercu' (Plet. II. 663). Производные от **тер-* (в основном это *т'еп'эц*, *т'еп'ок* и *т'еп'инка*) широко распространены как на северо-западе (восточнее зоны распространения специфических псковских явлений), так и на юге великорусской территории (см. ДАРЯ III, карта 41), где веллярные рефлексy в позиции II палатализации в других словах не отмечены. В некоторых пунктах зоны псковских говоров, где наблюдается *т'* в позиции II палатализации (в основном это — разговоры по течению р. Ловати, где известен переход *к' > т'* и в других позициях — см. Образование, с. 63, карта 12), почти невозможно установить, является ли *т'еп'эц* производным от **кёрь* либо от **тер-*; производное **кёрьсь* является также праславянским, ср. слвн. *cérac* 'der Dreschflegel' (Plet. I. 79).

2. **кёрь* 'нить или круглая палка, употребляемая для сохранения параллельности основных нитей ткани'. Материал из статьи С.М. Глускиной — 1968, с. 26): *кеп*, *кепы́*, *кпы́* (Пинежский р-н Арханг. обл., Мошенский и Опеченский р-ны Новгородской обл., Гд., Дн., Кар., Палк., Печ., Пл., Порх., Пск., Сл., Стр. р-ны Псковской обл.); *кеп'ок*, *кепкы́* (Маловишерский р-н Новгородской обл., Дед. и Остр. р-ны Псковской обл.); *кепкы́* 'шпилька' (Оп.), *кепца́* 'шпилька' (Сер.); материал из СРНГ 13.182—183: *кеп*, *кэпы/кэпы́* (Север., Арх.), *кеп. кепы́/кпы́* (Арх., Новг., Пск.), *кп* (Новг.), *кэпы́* (Арх., Петерб.), *кепки/кэпки* (Пск.), *кэпина* (Калин., Пск.), *кпыина* (Новг.), *кепкы́* (Новг.), *кеп'ок* (Пск.), *кепца* (Сер.).

3. **кэвь* и производные: материал из статьи С.М. Глускиной (с. 25): *кэвка*, *кэвочка* 'шпилька' (Няндомский р-н Архангельской обл., Сланцевский р-н Ленинградской обл., Гд., Ляд. р-ны Псковской обл.), *кэвца́*, *кэвэчка* (Медвежьегорский р-н КАССР, Кар., Кр., Ляд., Н-Рж., Оп., Остр., Палк., Печ., Пл., Порх., Пск., Пушк., Сл., Сош., Стр. р-ны Псковской обл.); *кэвэц*, *кывэц* 'id.' (Прионежский р-н КАССР, Дн., Стр. р-ны Псковской обл.); *кэвца́* 'деревянная игла для вязания сетей' (Оп. р-н Псковской обл.); *кэвь* 'ручка цепа' (Печ. р-н Псковской обл.); *кэв'ок* 'id.' (Сл. р-н Псковской обл.); *кэвина* (Поддарский р-н Новгородской обл., Гд., Ляд., Оп., Остр., Палк., Порх., Пушк., Сл., Стр. р-ны Псковской обл.), *кэвэц* 'бьющая часть цепа' (Кр., Сл. р-ны Псковской обл.), 'острый молоток, которым отбивают жернова' (Стр. р-н Псковской обл.); материалы ДАРЯ (в значении 'ручка цепа'): *к'ив'ина* (С. 179), *к'ив'ина* (С. 347), *кэйка* (<*кэвька, С. 429), *кэвина* (С. 1357), *к'ав'ина* (Зап. 5), *к'ав'эц* (Зап. 7), *к'ав'инь* (Зап. 12), *к'ив'о* (С.-З. 14, 17), *к'ив'ина*

(С.-З. 33), *к'ив'о* (С.-З. 34, 36), *к'ив'о* (С.-З. 56), *к'ав'о* (С.-З. 86), *к'ав'о* (С.-З. 87), *к'ев'о* (С.-З. 87), *к'ев'о* (С.-З. 90), *к'ав'ина* (С.-З. 93), *к'ав'ина* (С.-З. 194), *к'ав'ина* (С.-З. 198), *к'ав'ина* (С.-З. 200), *к'ав'ина* (С.-З. 207), *кыв'ина* (С.-З. 210, 211), *к'ив'ина* (С.-З. 215, 216), *к'ав'ина* (С.-З. 227), *к'ив'ина* (С.-З. 237), *к'ав'ина* (С.-З. 97), *кэв'э* (С.-З. 107), *к'ев'ина* (С.-З. 109), *к'ев'ина* (С.-З. 120), *к'ив'ина* (С.-З. 121), *к'ив'ина* (С.-З. 123), *кывина* (С.-З. 132), *к'ив'о* (С.-З. 135), *к'ив'о* (С.-З. 136), *к'ив'ина* (С.-З. 144), *к'ав'ина* (С.-З. 176, 177), *к'ив'ина* (С.-З. 254); материал из СРНГ 13.172—173, 196—197: *кэвэц* (Красногор., Славк. р-ны Псковской обл.), *кэв'ок* 'рукоятка цепа' (Пск.), *кэвэ́* 'черен цепа' (Слов. Акад. 1909 с пометой обл., Даль), *кывэц* (Олон.) 'шпилька', *кывэц* (Олон.) 'нити для тканья, намотанные на (берестяную) трубочку', *кывэц* (Олон.) 'бутон цветка; нераспустившаяся почка', *кывэчка* (Олон.), **кывэчка* (Ленингр.), мн. ч. *кывэчки* (Медвежьегорский р-н КАССР), *кывэчка* (Олон.); мн. ч. *кывэчки* (Медвежьегорский р-н КАССР), *кывэчка* (Олон.); *кыв'ина* 'рукоятка цепа' (Петерб.), *кэвина* (Оп., Н-Рж., р-ны Псковской обл.), 'бьющая часть цепа' (Пушк. р-н Псковской обл.), *кыв'ок* 'бьющая часть цепа' (Сл. р-н Псковской обл.), *кывца́* (Олон., Север.) 'цевка, шпилька в ткацком станке', *кывца* (Медвежьегорский р-н КАССР), *кывца́* 'челнок' (?) (Волховский р-н Ленинградской обл.), *кывца́* 'бутон цветка; нераспустившаяся почка' (Олон.), *кывций* 'шпилька' (Арх.); *кывушка* 'двухметровая мерка в форме треугольника' (Демянский р-н Новгородской обл. — семантика?). Выше при цитировании СРНГ не приводились формы, взятые из статьи Глушкина 1968.

4. **кэдити* 'цедить' и производные: *кеж* 'процеженный настой ржаных высевков, употребляемый для приготовления киселя' (Арх., Олон., СРНГ 13.175), 'процеженный раствор овса, муки' (Глушкина 1968, с. 24), 'отстой из ягод, употребляемый для приготовления киселя' (Шенкурский р-н Архангельской обл., СРНГ 13.175), 'холодная вода с овсяной мукой, употребляемая как питье' (Олон., Каргопольский р-н Архангельской обл., СРНГ 13.175); *кежь* (f.) (Олон., Шенкурский и Каргопольский р-ны Архангельской обл., Вытегор. Олон., Кольск., СРНГ 13.175) — наряду с "общерусским" по форме *цэжь*, *цижь* (Даль IV. 576) — наряду с "общерусским" по форме *цэжь*, *цижь* (Даль IV. 576) — восходит к **kedь*, при этом обращает на себя внимание ауслаут северо-западного слова: возможно, что -ж здесь регулярно, т.к. рефлексy *г* или ожидаемое перед передними гласными *д'* (ср. *т' в гату*) встречаются только перед гласными, ауслаутный же рефлекс сочетаний дентальных с -j- в псковском диалекте неясен (в смоленском мы находим -з, ср. *мез* < **medь*). Однако не исключено, что в данном случае мы имеем дело с "исправлением" заимствованного **цэжь* по регулярно для данных говоров *кэдить* 'цедить' (Гд. р-н Псковской обл., СРНГ 13.173), *кэдушка* 'цедилка' (Гд., Полн. р-ны Псковской обл., СРНГ 13.175), *кэдилка* 'цедилка' (Гд. р-н Псковской обл., СРНГ 13.173); в северных говорах по материалам ДАРЯ: *к'ед'ит* 'цедит' (С. 742).

5. **хэрь* 'серый'. С начальным *х-* отмечено только в древненовгородском: род. ед. *хэри* (гр. 130), от **хэрь* ж. р. (см. Зализняк 1986, с. 112; относительно возможных топонимов с корнем *хэрь-* 'серый' — там же, с. 114). Крайние южные псковские, а также смоленские и сев.-вост. белорусские говоры имеют в данном слове "аномальное"

с точки зрения традиционной русской исторической фонетики *ш-шэры(й)* (Зап. 41, 23, 24, 26, 52, 46, 72, 49, 73, 78, 124, 127, 130, 281, 282, 283, 287, 284, 285, 289, 291, 307, 308, 300, 298, 294, 293, 324, 323, 325, 297, 302, 310, 313, 315, 322, 503, 380, 504, 505, 508, 583). На территории Белоруссии этот рефлекс занимает территорию несколько большую, чем прочие изоглоссы "кривичского" ареала, на великорусской же территории его ареал в общем совпадает с ареалом рефлексов *-к-, -г-<*tj, *dj* в смоленском диалекте (см. карту 2). На этой же территории рефлексом **sj* является, видимо, *-ш-*, а не *-х-*, как в псковском (во всяком случае примеров на *-х-* мы не обнаружили).

6. **kěľь* 'целый'. С начальным *к-* известно только из древненовгородского: им. п. ед. ч. м. р. *кѣле*, им. п. мн. ч. ж. р. *кѣлѣ* (гр. 247) от **кѣль* 'целым' (см. Зализняк 1986, с. 111—112).

В ряде пунктов южнее Новгорода отмечен рефлекс *т'* из **к-* в позиции II палатализации. В этом же регионе отмечается также и *т'* на месте нового мягкого *к'* (*т'ислый* 'кислый' и т.п., см. Образование, с. 63, карта 12). В этой зоне решающее значение имеет наличие *т'* в словах, образованных от **кěвь*, тогда как про *т'ен'ец* нельзя сказать определенно, восходит ли он к **кěрьсь* или **терьсь*. Ниже приводится материал; см. также карту 2: *т'ав'ина* (С.-З. 28), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (Зап. 57), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (Зап. 56), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (Зап. 60), *т'у'ав'ина*, *т'у'ан'ец* (С.-З. 218), *т'ив'ивина* (sic!), *т'ен'ец* (С.-З. 232), *т'ен'ец*, *т'ев'јо* (С.-З. 236), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (С.-З. 239), *т'ав'ин* (?) (С.-З. 242), *т'ан'ец*, *т'ав'ина* (С.-З. 244), *т'ив'ина* (С.-З. 166), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (С.-З. 247), *т'ив'ина/к'ив'ина* (С.-З. 257), *т'ев'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 258), *т'ив'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 260), *т'ев'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 216), *т'ив'ина*, *т'ун'ец* (С.-З. 264), *т'ив'инь^а*, *т'ан'ец* (С.-З. 268), *т'ев'ина*, *т'енец* (С.-З. 271), *т'ев'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 272).

Примером системы из данного региона, для которой, видимо, достоверно можно предполагать *т'ен'ец* из праслав. **терьсь*, является говор д. Дубровка Селижаровского р-на Калининской обл. (10 км к югу от оз. Волго), где отмечено слово *т'ан'ец* 'бьющая часть цепа' при *цав'јо* 'рукоятка цепа' (запись автора).

С.М. Глускина в статье о второй палатализации в северо-западных говорах пришла к выводу, что в этих говорах "не произошел переход заднеязычных в свистящие перед новыми гласными переднего ряда... Это не новообразование, вызванное аналогией, а исконно местные формы" (Глускина 1968, с. 28). Приведенные нами факты, видимо, указывают на то, что и обнаруживаемые в псковских (и в происходящих от последних северных) и смоленских говорах (а также некоторых северо-восточных белорусских говорах) велярные на месте праслав. **tj, *dj, *sj, *zj* являются регулярными фонетическими рефлексам данных праславянских сочетаний, появление же в современных северо-западных и родственных им смоленских говорах "общерусских" рефлексов (*ч, ж, ш* и под.) должно быть отнесено на счет междиалектных контактов и влияния литературного языка. Таким же образом проникают в эти говоры "общерусские" *ц, с* в позиции II палатализации.

Карта 2 показывает, что псковско-смоленский ареал, в котором сочетаются рефлекс **tj, *dj>к, г* и **đ, *b>e/u* перед йотированными

сонантами, разделяется по признаку развития **к* в позиции II палатализации (видимо, аналогично распределены и *х-/ш-<*х*). В смоленском диалекте (данные северо-восточных белорусских говоров нам, к сожалению, неизвестны) наряду с многочисленными пунктами, где зафиксирована двоичная система литературного типа (*с ц'/ч/ч'* в позиции I палатализации, *ц* — в позиции II и III палатализации), на территории к западу и северо-западу от линии Осташков—Белый—Духовщина—Смоленск и к югу от линии Опочка—Холм—Осташков отмечены системы смоленского типа с совпадением рефлексов I и II палатализаций в *ч/ч'(/ц)* и противопоставлением им рефлекса III палатализации (обычно *ц*). Ниже приводится материал ДАРЯ:

Зап. 20: II пал. *ч'ав'инь*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. *кр'ич'ат'*, *стуч'ат'*; Зап. 84: II пал. *чан'ец*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал.⁵ — отмечено только *ч*; Зап. 129: II пал. *ч'ан'ец*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. — отмечены *ч'* (полумягкое) и *ч'*; Зап. 88: II пал. *чан'ец*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. *п'л'учыл*, *чысть*; Зап. 114: II пал. *чан'ец* (также *ц'ер'кву* — заимствование из другого говора?); III пал. — отмечено только *ц*; I пал. — отмечено *ч* и *ч'* (полумягкое); Зап. 144: II пал. *ч'ерк'в*; III пал. *ул'ица*, *к'ур'ица*, *кан'це*, *з'аиц*; I пал. *н'ич'ав'о*, *унуч'ек*, *у'ск'оч'ит'* (также *мал'ц'ик*; *вы'ск'ыцы*); Зап. 327: II пал. *чан'елина*; III пал. *пл'им'ен'н'ицы*, *с'ан'цо*, *мал'ыц*; I пал. — отмечены *ч'* и *ч'* (полумягкое); Зап. 311: II пал. *чына* 'цена'; III пал. *йа'й'ец*, *ул'ица*; I пал. — отмечены *ч, ч', ц'* и *ц*; Зап. 135: II пал. *ч'ельй*; III пал. *к'ур'иць*, *у'л'иць*, *а'ф'ца*, *а'т'ец*, *карм'ил'ыц*, *бр'ат'ыц*; I пал. — отмечены *ч', ц'* и *ц*; Зап. 365: II пал. *ч'еп* 'цеп'; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. отмечено только *ч'* (фонетически *ш'ч*).

Видимо, такая же система отражена в графике списка С смоленских грамот, где в позиции I и II палатализаций встречаются (приблизительно поровну) *ц* и *ч*, тогда как в позиции III палатализации — почти исключительно *ц* (см. Живов 1984, с. 290).

К востоку от указанной выше линии распространены говоры с трояким противопоставлением аффрикат (обычно *ц:ц'/ч/ч'*), см. об этом типе ниже.

Важно отметить, что приведенный выше материал свидетельствует о том, что **к* в позиции II палатализации давало в смоленской зоне рефлекс, идентичный рефлексу **к* в позиции I палатализации, отличающийся вместе с последним от результата III палатализации (твердое *ц*).

Приведенные на с. 136 смоленские формы *мез* (<**medjь*), *мезиситка* (<**medjě-sitъka*) с *-э(ь)-<*dj* перед передними гласными заставляют предполагать параллельный рефлекс *-ц'/-ч'-<*tj* в такой же позиции (в отличие от *-г-, -к-*, перед задними гласными, по крайней мере *-а-*). Так как в смоленском диалекте *ц'* и *ч'*, по всей видимости, первоначально не были

⁵ Здесь и ниже как рефлекс I палатализации условно даются также и рефлекс праслав. **kj>*čj>*č*; **gj>*džj>*ž*, видимо, в действительности совпадающие с рефлексами велярных в позиции I палатализации в рассматриваемых системах. Однако не исключены и системы другого рода, в которых рефлекс сочетаний велярных с *-j-* отличаются от рефлексов I палатализации — см. статью А.В. Дыбо в данном сборнике.

противопоставлены (существовала только оппозиция *ц'/ч':ц*), рефлекс **tj* в позиции перед передними гласными совпадал с "общерусским", хотя в системе соответствий он занимает совсем другое место по сравнению, например, с литературным *ч' < *tj*.

В псковском, где **k* в позиции II палатализации дает *к' (/m')*, рефлекс **k* в позиции I и III палатализации либо нейтрализуются в твердом *ц*, либо (видимо, вторично) различаются (на месте **k* в позиции I палатализации мы находим *ч'* или *ц'*; на месте **k* в позиции III палатализации — *ц*). В.Г. Орлова пишет: "Наиболее компактное распространение говоров с твердым цоканьем наблюдается в Псковской области и западных районах Ленинградской (ныне Новгородской и Ленинградской. — С.Н.) и Великолукской областей, а с востока — на территории тех районов Калининской области, которые входят в рассматриваемое объединение говоров. Имеются основания полагать, что твердое цоканье еще в сравнительно недавнее время встречалось на большей территории. Н.Н. Соколов, обобщивший современные емуданные по Псковской губернии, указывает на твердое цоканье как почти на общий признак большинства говоров губернии" (Орлова 1959, с. 65—66). Таким образом, здесь результаты II палатализации (>*к'/m'*) изначально отличались от совпадающих результатов I и III палатализаций (>*ц*, в отдельных говорах, возможно, *цч/чц*, твердые или полумягкие).

Вопрос о твердом *ч*, которое обычно рассматривается как вторичный субститут *ц* в псковских, новгородских и прочих говорах данного региона в словах с I палатализацией, остается пока открытым. Во всяком случае территория распространения реально засвидетельствованного твердого цоканья на Северо-Западе в основном ограничена псковско-кривичским ареалом и отдельными пунктами в районе Новгорода. Обычно в качестве аргумента в пользу былого повсеместного распространения твердого цоканья на Северо-Западе является деэпричастие *-шоццы* (*ушоццы*, *вышеццы* и т.д.), восходящее к **šьdьši*. Эта форма, однако, в большинстве говоров к востоку от псковско-кривичской границы является единственным свидетельством о твердом цоканье и, по всей видимости, может считаться заимствованием (скорее всего из древненовгородского койне, в котором цоканье — возможно, твердое — было нормой; см. ниже, с. 149).

На территории псковского диалекта отмечен ряд пунктов с системой отражения праславянских велярных, несколько напоминающей разобранную выше смоленскую. Независимо от того, сохраняется ли в них старая псковская система нейтрализации рефлексов **k* в позиции I и III палатализацией или вторично развивается противопоставление *ц'/ч'/ч* (из I палатализации): *ц* (из III палатализации), **k* в позиции II палатализации отражается как мягкое *ц'* либо *ч'*. Принципиальным отличием системы, которую мы будем называть новопсковской, от смоленской является то, что в новопсковском типе совпадают результаты I и III, тогда как в смоленском — результаты I и II палатализаций. Ниже приводится материал с новопсковской системой из ДАРЯ:

С.-З. 3: II пал. *ц'эльй*; I пал. *цорт*, *цыстый*; III пал. *кан'ец*, *мал'иц*,

крыл'цо; С.-З. 26: II пал. *ц'эльй*, *ц'ело*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *афца*, *жайц*, *канцом*, *ат'ец*, *агурцоф*, *пал'цы*, *сонце*, *палат'енца*, *м'ел'ница*; I пал. *цасы*, *в'ечно*, *в'ецер*, *аконцал*, *цытайут*, *цетыр'е*; С.-З. 56: II пал. *ц'эльй*, *ц'еркоф*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *офца*, *жайцо*, *концы*, *от'ец*, в *конце*, *н'ем'ец*; I пал. *цасоф*, *цысло*, *цасы*; С.-З. 87: II пал. *ц'ел'най*; III пал. *ул'ицу*, *жайцом*, *к канц*, *к'ур'ица* (sic!); *атца*, *афца*, *ат'ец*; I пал. *корацк'и*, *јаблацк'и*, *у цорта*, *царт'ишше*; С.-З. 101: II пал. *ч'ед'им*; III пал. *н'емцы*, *ат'ец*, *кур'ица*, *афца*, *жайца*, *пал'цы*; I пал. *цылав'ецк'и*, *цар'омха*, *бл'удацк'и* *цаста*; С.-З. 106: II пал. *ччалуцтица*; III пал. *зајцы*, *ул'ицы*, *угурицы*, *кур'ица*, *кан'ец*; I пал. *ц'еп'и*, *н'ицова*, *с'ицас*, *л'ентацк'и*; С.-З. 187: II пал. *ц'эльй*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *афца*, *каницы*, *ат'ец*, *кан'ец*; I пал. *цаста*, *цуда*, *пл'ацо* (однако есть и *ц'иста* — в случае первичности этой формы следует отнести данную систему к смоленскому типу); С.-З. 14: II пал. *ц'ерква*, *ц'эльй*, *ц'еп* (значение?); III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *куп'ец*, *мал'иц*, *ат'ец*, *кан'ец*, *крыл'цо*, *кал'цо*, *жайцо*, *пал'цы*, *работн'ица*; I пал. *скацы* 'скочи'; С.-З. 54: II пал. *ц'эльй*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *офца*, *жайцо*, *концы*, *от'ец*, *кон'ец*; I пал. *цасы* (однако есть и *фц'ерас'* — см. примечание к С.-З. 187); Зап. 86: II пал. *ц'еп*; III пал. — указано только *ц*; I пал.: отмечается, что "иногда... у старух прорывается цоканье, хотя сами они утверждают, что в их деревне никогда не цокали."; Зап. 32: II пал. *у ч'еркву*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. *цало*, *руцк'и*, *м'ецтал*, *бл'уд'ецка*, *мал'цык*.

Материал из пунктов, где рефлексом III палатализации является *ц*, а рефлексом I палатализации — *ч/ч'* либо *чч/чч'*. В этих говорах можно а) предполагать разрушение старой "цокающей" системы типа новопсковской и появление шипящих в позиции I палатализации объяснять влиянием литературного (московского) языка; б) видеть систему с исконным различием трех рядов аффрикат — см. о таком типе ниже, с. 151. В зоне обычного псковского цоканья, т.е. совпадения по крайней мере рефлексов I и III палатализаций, находятся, из перечисленных ниже, лишь пункты 4, 91, 83. Ниже приводится материал ДАРЯ.

С.-З. 4: *ц'елый*, *ц'еркаф*; С.-З. 17: *ц'елый*, *ц'еркв'и*; С.-З. 20: *ц'елый*; С.-З. 55: *ц'ены*, *ц'ел'ина*; С.-З. 56: *ц'ер'коф*; С.-З. 83: *ц'ел'наца*; С.-З. 91, 168, 169: *ц'елый*; С.-З. 131: *ц'апк'и*; С.-З. 132: *ц'еп'ец*.

На территории к востоку от Новгорода и к северу от линии Осташков—Ростов—Юрьевец—Яранск встречаются системы, могущие быть отнесенными к новопсковскому, смоленскому и южнорусскому (см. ниже) типам. Наиболее надежно определяется последний тип, представленный говорами, где в позиции I палатализации отмечены только *ч'*, *ч'* либо *ч*, в позиции II палатализации — *ц'*, в позиции III палатализации — исключительно *ц*: *ц'еркоф*, *ц'ед'илка* (С. 75), *ц'ела* (С. 102), *ц'елый* (С. 248), *ц'еп'ец* (С. 344), *ц'ел'ный* (С. 346), *ц'елый*, *ц'д'илкь* (С. 371), *ц'ер'коф*, *ф ц'ер'кв'и* (С. 378), *ц'еркоф* (С. 387), *ц'ен'ат* (С. 470), *на ц'ел'ину* (С. 486), *ц'ела* (С. 522), *ц'еркоф* (С. 544), *ц'елый* (С. 554), *ц'ер'каф* (С. 557), *ц'ену* (С. 619), *ц'ена* (С. 629), *ц'еркаф'* (С. 655), *ц'ед'ил'и* (С. 723), *ц'еркв'и* (С. 947), *ц'ид'ат*, *ц'эркоф* (С. 1067), *ц'елый* (С. 1072), *ц'елой* (С. 1087), *процид'ила* (С. 1121), *ц'еркоф*, *по ц'ен'е* (С. 1342 — но есть и единичное ген. pl. *зайц'ей*).

Смоленский тип, как было показано выше, в принципе отличается от новопсковского тем, что в смоленском рефлексом I и II палатализаций являются мягкие аффрикаты, противопоставленные твердым как рефлексам велярных в позиции III палатализации, тогда как новопсковскими рефлексом I и III палатализаций являются твердые аффрикаты. Таким образом, для различения смоленского и новопсковского типов требуется установить характер аффрикат в позиции I палатализации. В северных великорусских говорах, различающих два ряда аффрикат, именно в этой позиции обычно наблюдается континуум рефлексов, члены которого по крайней мере в записи кажутся находящимися в отношении свободного варьирования. Пункты с предположительно смоленским и псковским типами находятся, как правило, в окружении говоров с полным мягким цоканьем (т.е. совпадением всех рядов аффрикат в мягкой аффрикате или в фонологически непротивопоставленных мягких аффрикатах), поэтому указанный континуум в говорах с различением рядов аффрикат может быть объяснен влиянием соседних редуцированных систем. Формально к новопсковскому типу можно причислить системы, в которых по крайней мере одним из рефлексов *k в позиции I и III палатализаций является твердое *ц*: *ц'ёрквы* (С. 172 — рефлексы I пал. *ч', ч', чч, ц'', ц, ч*); *ц'ёркоф* (С. 222 — I пал. *ч', ч', ц, ч'', чч, ц*); *ц'енá, ц'енó, ц'ин'э, ц'ыны* (sic! С. 319 — I пал. *чч', цч', ч, ц', ц*); *ц'ёрква* (С. 596 — I пал. *ч, ц*); *ц'элый* (С. 804 — I пал. *ц', ц*); *ц'ёркоф'* (С. 930 — I пал. *ц, ч, ч*); *в...ц'ёркви* (С. 437 — I пал. *ч, ц', чч, ц', ц*).

Соответственно, к смоленскому типу формально должен быть отнесен материал следующих пунктов: *ч'ены, ц'ену* (С. 99 — I пал. *ч'', ц*); *ц'еловал* (С. 111 — I пал. *ч', ч, ц''*); *ц'ел'иком* (С. 128 — I пал. *ч', ц''*); *ц'ел'ыны, ц'ёркф'* (С. 243 — I пал. *ч', ч'', ц''*); *ч'олу'ют, ц'енá, ц'ела, ц'елу'ю, по ц'ен'э* (С. 251 — I пал. не только *ц', ч'*, но и *ц*, однако в позиции III пал. исключительно твердое *ч*: *у'лича, ку'рича* и т.д.); *ц'ёркоф* (С. 407 — I пал. *ц', ч'*); *ц'ёрква* (С. 408 — I пал. *ч*); *ц'элы'е* (С. 449 — I пал. *ц'', ц', ч, ч', ц''*); *ч'ел'ком 'по нетронутому снегу'* (С. 695 — I пал. *ч', ц*); *ц'ёркви* (С. 1114 — I пал. *ч', чч', ц*); *ч'ед'ил'и, ч'ид'ат* (С. 1336 — I пал. *ц', чч', ч'* при исключительном *ц'* в позиции III пал.); *ц'ер'к'овный* (С. 1344 — I пал. *ч'', ч', ч', ц*); *ц'ед'ил'и* (С. 1357 — I пал. *ш', ц', с', с'', ч'', ч', чч*).

Разумеется, у нас нет полной уверенности в том, являются ли первичными твердые *ц* в перечисленных пунктах с "новопсковской" системой и не осталось ли случайно незафиксированным твердое *ц* в пунктах со "смоленской" системой. Неопределен также статус "странных" систем пунктов 251, 1336, относимых к смоленскому типу лишь на основании фонологических оппозиций. Систем со "стандартной" смоленской системой, т.е. с шипящими в позиции I и II палатализаций, противопоставленных твердым свистящим в позиции III палатализации, в данном ареале фактически нет. Поэтому вопрос о различении этих двух систем (смоленской и новопсковской) на северной территории и их географической дистрибуции остается открытым. По крайней мере картографирование формально установленных типов ни к каким определенным выводам не приводит.

Новопсковскую систему, видимо, можно предполагать для одного из вариантов языка Новгорода начиная с XII в., что следует из анализа графической системы новгородских рукописей, сделанного В.М. Живовым (Живов 1984). Живов показал, что для некоторых новгородских писцов было нерелевантным различение рефлексов *k в позиции I и III палатализаций (здесь писалось *ц* или *ч* вне зависимости от этимологии), тогда как рефлекс *k в позиции II палатализации записывался в виде *ц*. Живов предположил, что эта буква использовалась для передачи живого произношения *k на месте праслав. *k в позиции II палатализации, и в действительности, как показывает материал берестяных грамот, оно было свойственно части новгородского населения того времени. Однако более вероятным кажется предположение, что описанная Живовым графическая система отражала другой вариант древнегородского произношения, для которого была характерна система новопсковского типа — по-видимому, с мягким *ц'* из *k в позиции II палатализации и с твердым или полумягким звуком типа *цч/чч* в позиции I и III палатализацией. К этому варианту новопсковской системы, возможно, восходят некоторые новгородские говоры с "твердым цоканьем". Не исключено, что эта система отражена в следующих примерах из берестяных грамот: *ц'лование* (гр. 44), *ц'лоую тА* (гр. 549), *ц'еловало ъси* (гр. 445), *ц'ело* (гр. 218) — см. Зализняк 1986, с. 113 и 304. А.А. Зализняк отмечает, что примеры с *ц'* в позиции II палатализации встречаются в грамотах не ранее XIII в. (до этого отмечались исключительно *к*-). Видимо, переход к системе с *ц'* (т.е. системе, называемой нами новопсковской) в данной позиции был связан с переориентацией древненовгородского койне на восточную норму. К востоку от Новгорода, во-первых, находился массив ильменско-словенского диалекта (из него в новгородское койне вошли, например, "общерусские" аффрикаты на месте сочетаний *t, *dc-j-); во-вторых, некоторые черты заимствовались из "смоленских" в своей основе говоров междуречья Мсты и Ловати (см. статью А.В. Дыбо в этом сборнике). В дальнейшем возникла компромиссная система, в которой *к'* из *k- в позиции II палатализации было заменено по смоленскому "образцу" на *ц'*, однако совпадающие рефлексом I и III палатализации остались псковскими. Видимо, в результате такого компромисса возникла новопсковская система — первично городская новгородская, затем распространившаяся на псковскую территорию.

Другое собственно новгородское явление, отсутствующее на старой псковской территории и несомненно связанное со смоленским диалектом — особый акцентуационный тип в *l*-причастиях глаголов подвижной акцентной парадигмы. Речь идет о соотношении *дал*: *далá, подал*: *пода́ла, по́нял*: *по́нялá* при *брал*: *бра́ла, по́брал*: *по́бра́ла, взя́л*: *взя́ла*. В этих парах формы мужского рода были в праславянском энклитоменами (т.е. безударными в морфонологическом отношении словами), а формы женского рода имели конечное ударение (см. карту 4). К востоку от этой изоглоссы расположен сплошной массив соотношения типа *дал*: *далá, брал*: *бра́ла*, т.е. с сохранением праславянского места ударения во всех формах. Изоглосса различения *далá*: *бра́ла*, кроме областей к востоку и северо-западу от Новгорода, охватывает обширный ареал, в

который входят на великорусской территории смоленский и отчасти деснинский диалекты; на территории Белоруссии этот тип первоначально не имели, видимо, только центральнобелорусские говоры, он характерен и для литературного белорусского языка; в украинском ареале этот тип характерен для Полесья и восточных говоров, в том числе для украинского литературного языка. Оттяжка в причастиях на *-l-* женского рода, видимо, связана с вторичным удлинением гласного в слове после слабого редуцированного (**bьralā > *b(ь)rālā > *brāla > brāla*, **vьzēla > *v(ь)zēlā > *vzēla > vьzēla* в отличие от **dalā > dalā*, **ponēlā > ponēlā*). В ареале, объединяемом изоглоссой *dalā*: *брала*, засвидетельствованы и другие случаи удлинения гласной после слабого редуцированного, например, юго-западное белорусское *мнѣю / мнѣю / мнѣюю < *mьōgo < *m(ь)пōgo < *mьпōgo*. Исконным для псковского диалекта является тип *дала*: *брала* (он хорошо представлен и в говорах Обонежья).

В табл. 2 представлены рефлексы праслав. **k* в условиях трех палатализаций в некоторых северных и центральных великорусских системах.

Таблица 2

Палатализация	Система			
	псковская	новопсковская	смоленская	"литературная"
I	ц	ц	ч'(ц')	ч'
II	к'/г'	ц'	ч'(ц')	ц
III	ц	ц	ц	ц

Возвращаясь к отмеченному на с. 145 сл. различию между (ново-)псковской и смоленской системами отражения велярных в позиции II палатализации, необходимо отметить одну важную черту, объединяющую псковские и смоленскую систему с лехитской⁶ и резко отделяющую их от систем не только всех других восточнославянских диалектов, но и от южнославянских. Дело в том, что в "кривичских" и лехитской системах сочетания дентальных с *-j-* перед передними гласными и велярные в позиции II палатализации дают одинаковые рефлексы, тогда как в др. слав. системах эти два рефлекса различны (табл. 3).

Таблица 3

	Система					
	Псковская	Смоленская	Лехитская	Рус. литер.	Старослав.	Сербохорв.
*tj	?(? t')	č'(c')	*c'	č'	č'	č'
*dj	?	*dz' > r'	*dz'	ž	ž'd'	dž'
*sj	x'	š	*š'	š	š'	š
*zj	x'	ž	*ž'	ž	ž	ž
*kс	k'/t'	č'(c')	*c'	c	c'	c
*yс	x'	š	*š'	s'	s'	s

⁶ В отличие от лехитских, в другом зап.-слав. языке, словацком, рефлексы **dj* и **g* в позиции II (и III) палатализаций различны.

Помимо рассмотренных выше бинарных систем отражения праславянских велярных в условиях трех палатализаций в великорусских говорах широко распространена также тернарная система, обычно выступающая в виде противопоставления *ц'* (из **k* в позиции II палатализации): *ц* (в позиции III палатализации): *ч'/ч* (в позиции I палатализации). Эта система отмечена в отдельных говорах южного наречия (в пунктах, откуда приводится материал, следов цоканья не обнаруживается; в позиции III палатализации всегда присутствует твердое *ц*, поэтому приводятся только рефлексы **k* в позиции II палатализации): *ц'ельх*, *ц'ел'нуу* (Ю. 57), *ц'ёрква* (Ю. 63), *ц'елай* (Ю. 67), *ц'ел'ныйь*, *ц'ёрква* (Ю. 86), *ц'елай* (Ю. 94), *ц'ип'инка* (Ю. 98), *ц'елай* (Ю. 115), *ц'елай*, *ц'елуу* (Ю. 120), *ц'ельйе*, *ц'ёркв'и*, *ц'ёрква* (Ю. 126), *у ц'ёркву*, *ис ц'ёрквы* (Ю. 130), *ц'елый* (Ю. 219), *ц'ел'ный* (Ю. 256), *ц'еп* (Ю. 227), *ц'ёркв'и* (Ю. 315), *ц'ел'нуу* (Ю. 317), *ц'ел'ный* (Ю. 318), *у ц'ёркв'и* (Ю. 320), *ц'ел'най* (Ю. 325), *ц'ёрква* (Ю. 335), *ц'ёркв'ь* (Ю. 370), *ц'ёркв'и*, *ц'епам'и*, *ц'еп* (Ю. 424), *ц'елым'и*, *ц'ёркву* (Ю. 426), *ц'ёрква* (Ю. 433), *ц'ёркв'ь* (Ю. 443), *ц'ёрква* (Ю. 444), *ц'еп* (Ю. 471), за *ц'ёркву* (Ю. 480), *ц'ельйа* (Ю. 483), *ц'ёркв'ь* (Ю. 486), *ц'ёрква* (Ю. 523), *ц'ел'нуу* (Ю. 555), *ц'еп* (Ю. 737), *ц'епов'и'ет* (Ю. 749), *ц'епом*, *ц'еп* (Ю. 753).

Такие же системы встречаются в говорах, расположенных к востоку от основного смоленского массива и к югу от "селигеро-торжковских" говоров. В этой зоне, как и на Юге, цоканье практически отсутствует, и поэтому системы с троичным противопоставлением здесь, видимо, первичны. Ниже приводится материал ДАРЯ по рефлексам II палатализации: *ц'елай* (Зап. 141); *ц'ёркв'ь* (Зап. 137); *ц'еп*, *ц'ёркв'ь* (Зап. 136); *ц'епка* (Зап. 140); *ц'ип'ил'ина* (Зап. 352); *ц'ёрква* (Зап. 373); *ц'ёрква* (Зап. 339); *ц'еп* (Зап. 372); *ц'ельй* (Зап. 197, 198, 204); *ц'ёркв'ь* (Зап. 259); *ц'ел'ный* (Зап. 398); *ц'еп* (Зап. 435); *ц'ельй* (Зап. 443, 444, 484); *ц'елый* (Зап. 524, 525); *ц'ап'ил'инь* (Зап. 526); *ц'ёркв'ь* (Зап. 534); *ц'еп* (Зап. 565, 578, 583, 603, 607, 636); *ц'ел'найа* (Зап. 634); *у ц'ёркву*, *ц'ела* (Зап. 683); *ц'ёрква* (Зап. 710).

Аналогичные системы отмечены в говорах к востоку от Москвы (следует заметить, что и на этой территории *ц'* из **k* в позиции II палатализации встречаются исключительно в системах с *ч'* из I и *ц* из III палатализации, ср. приводимый ниже материал с картой 40 "Атласа русских народных говоров..."). Материал приводится под АРНГ Вост., с. 485—486: *ц'ипами* (В. 41); *ц'ел'ный*, *ц'ёркв'ь*, *ц'епами* (В. 181); *ц'елай* (В. 195); *ц'ела*, *ц'ел'най* (В. 395); *ц'ена* (В. 443); *ц'ёрква* (В. 459); *ц'елый* (В. 523); *ц'елый* (В. 543); *ц'еп* (В. 535); *ц'елый* (В. 549); *ц'елый* (В. 600); *ц'илуу*, *ц'инь*, *п' ц'ин'е*, *ц'инит*, *ц'ёркаф'* (В. 715); *ц'елый* (В. 718); *ц'елый* (В. 722).

На юге великорусской территории "южнорусский" тип рефлексации **k* в позиции трех палатализаций несомненно исконно принадлежит южнорусскому диалекту (см. выше). Напротив, исключительно бинарные системы литературного типа (точнее, *ч'/ш'* из **k* в позиции I палатализации, *ц/ц'* в позиции II и III палатализаций) отмечены на территории деснинского диалекта в его южной части (его основные границы определяются системой *молодой*: *крыю*, см. выше, с. 118). В

северной же части данного ареала, где указанную изоглоссу перекрывает кривичская изоглосса сохранения *kv в позиции II палатализации, а также на старой территории смоленских кривичей на восток вплоть до Москвы, также широко представлена троичная система. Далее на восток этот тип прослеживается по "кривичскому поясу", особенно много пунктов с троичным противопоставлением аффрикат расположено к югу от Горького, где и другие "кривичизмы" отмечаются наиболее часто. Видимо, к востоку от Смоленска сохранялась архаичная смоленско-кривичская система с противопоставлением рефлексов I и II палатализаций, утраченная в собственно смоленском диалекте в результате их совпадения. На Северо-Западе и Севере "южнорусская" система спорадически отмечена на всей территории, ее нет лишь на старой псковско-кривичской территории (см. карту 4). В некоторых случаях системы такого типа могли возникать вторично на основе новопсковского и смоленского типов после лексического заимствования ч' (или его вариантов) как рефлекса I палатализации.

Ильменско-словенские по происхождению говоры, по-видимому, исконно характеризовались совпадением рефлексов велярных в позиции всех трех палатализаций в одной мягкой аффрикате.

В данной статье мы не будем касаться первоначальной фонетической природы противопоставления аффрикат в системах с двоичным и особенно с троичным противопоставлением. По всей видимости, современная оппозиция по твердости: мягкости вторично, так как мы не наблюдаем перехода e > o перед твердыми аффрикатами, в том числе и в говорах с "южнорусским" типом рефлексации велярных. Скорее всего, даже в системах с тернарным противопоставлением все аффрикаты первоначально были мягкими, а различались они, возможно, по месту образования (например, ч':ц":ц', где ц' — "свистяще-шипящая" аффриката). Это предположение остается лишь в качестве рабочей гипотезы.

В табл. 4 приводятся рефлексы велярных в позиции трех палатализаций в различных славянских системах.

Таблица 4

	Бинарные системы			Тернарная система
	псковская	смоленская	ст.-славянская	"южнорусск."
I	с	ѣ'/с'	ѣ'	ѣ'
II	к'	ѣ'/с'	с'	с'
III	с	с	с'	с

Нет сомнения, что III палатализация велярных и появление аффрикат в позиции ее действия были праславянским процессом. Исключения из ее действия объясняются морфонологической аналогией и сложностью фонетических условий ее реализации (см., в частности, Чурганова 1974). Напротив, велярные в позиции II палатализации на праславянском уровне, будучи мягкими, видимо, не аффрицировались, а давали аффрикаты независимо в истории отдельных славянских диалектов.

Параллелизм развития велярных в позиции II палатализации и сочетаний дентальных с -j-, сохранение праславянских сочетаний *il, *dl (в виде кл, гл в псковском, см. также Зализняк 1984, с. 95—101; Зализняк 1982, с. 75—80; Зализняк 1986, с. 119—122; в смоленском диалекте исконным рефлексом этих сочетаний было, видимо, -дл-, ср. волкодлак — СРНГ 5.41, с пометой (Смол.), а также некоторые, в основном морфологические черты, объединяют возникшие на кривичской основе великорусские и белорусские диалекты с лехитскими языками.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аванесов 1949 — Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
 АРНГ Вост. — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957 (комментарий и карты).
 АРНГ Зап., Сев., Сев.-Зап., Юг — Атласы русских говоров центральных областей а) к западу, б) к северу, в) к северо-западу, г) к югу от Москвы (рукописи, хранятся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского яз. АН СССР).
 Борковский-Кузнецов — Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
 В. — материалы АРНГ Вост., см.
 Виноградов — Виноградов Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. I. Фонетика. СПб., 1904.
 Глускина 1962 — Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. — Псков, 1962. — Вып. 1.
 Глускина 1968 — Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968. Вып. II.
 Глускина 1972 — Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над псковскими говорами // Псковские говоры. Л., 1972. Вып. III.
 Горшкова 1972 — Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
 ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
 Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880—1882. Т. I—IV.
 ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР. М., 1986. Вып. I.
 ДАРЯ II, III — Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР. Вып. II—III (рукопись хранится в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского яз. АН СССР).
 Живов 1984 — Живов В.М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII вв. // Russian linguistics, 1984, N 8, p. 251—293.
 Зализняк 1982 — Зализняк А.А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
 Зализняк 1984 — Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984.
 Зализняк 1985 — Зализняк А.А. От православянской акцентуации к русской. М., 1985.
 Зализняк 1986 — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. Зап. — материалы АРНГ Зап., см.
 Захарова—Орлова 1970 — Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
 Кармакова дис. — Кармакова О.Е. Семантические группы в лексике диалектов: лингвогеографические принципы анализа и описания // Канд. дис. М., 1987.
 Материалы ДАРЯ — Ответы на вопросы "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М.; Л., 1947), хранящиеся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского языка АН СССР; материал распределен по зонам, соответствующим территориальному охвату каждого из региональных атласов (АРНГ Зап., В., Сев. Зап., Сев.-см.), каждый атлас имеет свою нумерацию населенных пунктов (расшифровку номеров АРНГ Вост. см. в соответ-

ствующем издании, расшифровка номеров остальных атласов содержится в рукописях этих атласов).

Мжельская 1962 — Мжельская О.С. Лексика древней псковской письменности в современных псковских говорах. // Слово в народных говорах русского Севера. Л.; 1962. С. 10—25.

Образование — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. Орлова 1959 — Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1984. Вып. 1—6. Преобр. — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1918. Вып. 1—14.

С. — материалы АРНГ Сев., см.

С.—3. — материалы АРНГ Сев.-Зап., см.

Седов 1982 — Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Срезн. — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. 1—III.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1988. Вып. 1—23.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—1985. Вып. 1—4.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1—IV.

Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of spoken Russian. Pskov 1607. Vol. 1 (Facsimile copy). Copenhagen, 1961.

Чурганова 1974 — Чурганова В.Г. К истории словообразования диминутивов в русском языке // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии славянских языков. М., 1974.

Шахматов Очерк — Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. The Hague/Paris, 1967.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: М. 1974—1987. Вып. 1—14.

Ю. — Материалы АРНГ Юг, см.

Plet. — Pletersnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1984. D. 1—II.

В.Н. ТОПОРОВ

БАЛТИЙСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ГИДРОНИМИИ ПООЧЬЯ. I

I.A. ВЕРХНЕЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ ПООЧЬЕ

Этой статьей начинается публикация исследования, посвященного балтийской гидронимии Поочья. Обращение именно к этому ареалу в настоящее время представляет собой естественное следствие предыдущих работ по обнаружению следов балтийской гидронимии на территориях, лежащих к югу, востоку и северо-востоку от Прибалтики и охватывающих практически всю Белоруссию, значительную часть запада и центра России, северную полосу Украины. Старые исследования "русских" гидронимических (прежде всего) балтизмов, ведшиеся, начиная с конца прошлого века А.А. Кочубинским, А.Л. Погодиным, К. Бугой, М. Фасмером (если говорить об ученых, достигших наиболее значительных результатов, в хронологической последовательности), в последние три десятилетия получили продолжение в трудах целого ряда специалистов. Наиболее обстоятельно были обследованы с указанной точки зрения два ареала — Верхнее (в расширенном смысле) Поднепровье и Подмосковье, представляющее в гидронимическом смысле северо-западную периферию бассейна Оки. В ходе этих исследований все конкретнее и острее формулировались

вопросы о восточных границах гидронимии "балтийского" типа, о ее локальных вариантах и "диалектных" чертах, о самом характере этого "балтийского" гидронимического типа и о конкретных результатах его усвоения русским населением этих мест.

В этом ареальном контексте дают о себе знать две значительные лакуны — верховья Западной Двины и примыкающее к ним правобережье Верхней Волги (примерно до меридиана Москвы), т.е. северо-восточная периферия балтийского ареала, и бассейн Оки, т.е. юго-восточная периферия этого же ареала (сразу же и с большим вероятием можно сказать, что за пределами этих двух "периферий" к северу, востоку и югу нахождение надежных гидронимических балтизмов или очень сомнительно, или носит случайный характер). Северо-восточная "периферия", несмотря на ряд попыток ее изучения и раньше и особенно теперь, обследована слабо, "на глазок", без сплошного просмотра всего материала. В результате выявлен ряд бесспорных (наиболее "броских") балтизмов; другие характерные примеры остались незамеченными; введен в употребление ряд недостоверных балтизмов или примеров, которые вообще не являются ими. Отчасти, конечно, это положение объясняется недостаточностью в настоящее время таких источников по гидронимии, как книги А. Сапунова "Река Западная Двина" (Витебск, 1893) и В. Рагозина "Волга", I—III (СПб., 1880—1881), но полностью этим оно все-таки не может быть объяснено.

Положение с юго-восточной "периферией" в настоящее время должно быть признано несравненно более благоприятным. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, уже в начале 30-х годов М. Фасмер указал ряд достоверных балтизмов, находящихся преимущественно в бассейне Оки (правда, отдельные балтийские гидронимы были найдены и на северо-востоке, в пределах Тверской губ.). Во-вторых, недавно появился полный список-каталог водной номенклатуры бассейна Оки. Речь идет о книге Г.П. Смолицкой "Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер)" (М., 1976), которая, естественно, и является отныне главным источником материалов по гидронимии Поочья (далее — ГБО). Предлагаемое далее исследование основано на фактах, собранных в этой книге, и исходит из той аранжировки гидронимических данных, которая дается в ней. Сама форма подачи балтизмов в гидронимии Поочья отражает гидрографическую схему списка-каталога.

Тема, посвященная балтийскому элементу в гидронимии Поочья, будет изложена в ряде публикаций, в своей сумме реализующих следующий план: I.A. Верхнее левобережное Поочье (с верховьев до Угры включительно); I.B. Верхнее правобережное Поочье (с верховьев до Упы включительно); — II. A. Среднее левобережное Поочье (до Пры включительно); II. B. Среднее правобережное Поочье (до Пары включительно); — III. A. Нижнее левобережное Поочье (до устья); III. B. Нижнее правобережное Поочье (до устья). — IV. Результаты исследования. — Настоящая статья обозревает балтизмы Верхнего левобережного Поочья.

Предваряя исследовательскую часть, уместно напомнить о том понимании термина "балтийский" ("балтизм"), которого придерживается автор этих строк и которое приобретает особое значение, во-первых,